Малая книга с историей

Фридрих де ла Мотт Фуке

Ундина



Иллюстрации Артура Рэкхема

Ундина

Фридрих де ла Мотт Фуке

Аннотация
Фридрих де Ла Мотт Фуке. Ундина
Посвящение
Глава первая. О том, как рыцарь приехал к рыбаку
Глава вторая. О том, как Ундина попала к рыбаку
Глава третья. О том, как они нашли Ундину
Глава четвёртая. О том, что приключилось с рыцарем в лесу
Глава пятая. О том, как рыцарь жил на косе
Глава шестая. О венчании
Глава седьмая. О том, что случилось потом в свадебный вечер
Глава восьмая. На утро после свадьбы
Глава девятая. О том, как рыцарь увёз с собой молодую жену
Глава десятая. О том, как они жили в имперском городе
Глава одиннадцатая. Именины Бертальды
Глава двенадцатая. О том, как они покинули имперский город
Глава тринадцатая. О том, как они жили в замке

Рингштеттен
Глава четырнадцатая. О том, как Бертальда вернулась вместе с рыцарем
Глава пятнадцатая. Поездка в Вену
Глава шестнадцатая. О дальнейшей жизни Хульдбранда
Глава семнадцатая. Сон рыцаря
Глава восемнадцатая. О том, как рыцарь играл свадьбу
Глава девятнадцатая. О том, как хоронили рыцаря Хульдбранда

Аннотация

Литературный успех немецкого писателя-романтика Фридриха де Ла Мотт Фуке – вполне значимой фигуры в Германии 1810-х годов – оказался кратковременным. Единственным произведением этого «излишне плодовитого», по словам его современника Людвига Тика, литератора, выдержавшим проверку временем, стала сказочная повесть «Ундина». Но в России и с ней Фуке не повезло: блестящий стихотворный перевод Василия Андреевича Жуковского полностью затмил фигуру немецкого автора. С тех пор полтора столетия историю о влюблённой русалке в России даже не пытались переводить. Именно «романтическая сказка Жуковского» в начале XX века публиковалась с цветными иллюстрациями английского художника Артура Рэкхема, изначально созданными к повести Фуке.

Прозаический перевод «Ундины» был сделан уже в XX веке филологом-германистом, исследователем литературы XVII–XVIII столетий Ниной Александровной Жирмунской.

Фридрих де Ла Мотт Фуке
Ундина

UNDINE
BY FRIEDRICH DE LA MOTTE FOUQUÉ

Иллюстрации Артура Рэкхема

Серия «Малая книга с историей»

Благодарим за предоставленный иллюстративный материал Анастасию Ивановну Архипову



ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА

Мы любим бумажные книги

© Н. Жирмунская, наследники, перевод, 2019
© В. Дымшиц, стихотворный перевод, 2019
© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

* * *


Arthur Rackham 09

Красавица Ундина никак не могла отвыкнуть от ребяческих замашек

Посвящение



Ундина, с памятного дня,
Когда заметил я недаром
Твой чудный свет в преданье старом,
О, как ты пела для меня.

Как часто, пав ко мне на грудь,
Ты поверяла все обиды,
Дитя проказливое с виду
И вместе робкое чуть-чуть.

И лира чуткая моя
Звучала, отзываясь сразу
Вослед печальному рассказу,
Что от тебя услышал я.

И повесть о твоей судьбе
Пришлась читателям по нраву,

Хоть ты причудница, но, право,
Расположила их к себе.

Ундиночка, не бойся, нет,
Читатель хочет слово в слово
Услышать эту повесть снова:
Ступай же, не смущаясь, в свет.

Будь благонравна, господам
Дворянам поклонись смиренно,
Твоих поклонниц неизменных —
Приветствуй наших милых дам.

А спросят дамы обо мне,
Скажи им так: «Мечом и лирой
Средь бала, празднества, турнира
*Ваш рыцарь служит вам вдвойне».

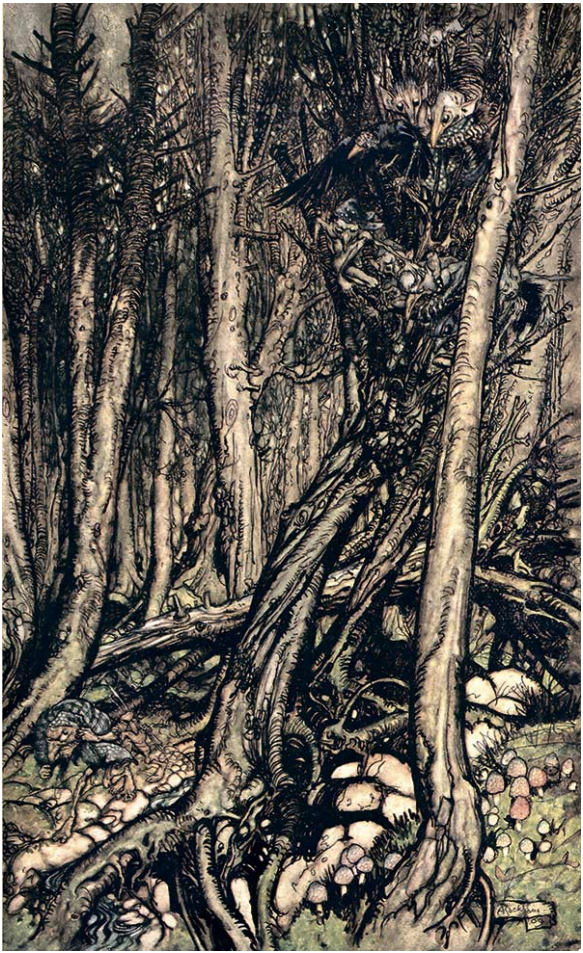


Глава первая
О том, как рыцарь приехал к рыбаку



Давным-давно, должно быть много сотен лет тому назад, жил на свете добрый старый рыбак; однажды вечером сидел он у своего порога и чинил сети. Хижина его стояла среди красивой приветливой местности. Поросшая сочной зелёной травой узкая коса вдавалась в большое озеро, ласково приникнув к прозрачной светло-голубой воде, а волны влюблённо простирали объятия навстречу цветущему лугу, колышущимся травам и свежей сени деревьев. Казалось, они пришли друг к другу в гости и потому и были так

прекрасны. А вот людей здесь было не видать, кроме разве что рыбака и его домочадцев. Ибо к самой косе подступал дремучий лес, которого многие побаивались, — уж очень он был тёмный и густой, да и водилась там всякая нечисть, которая выделывала невесть что; вот и лучше было не заглядывать туда без надобности. Но старый богобоязненный рыбак спокойно ходил через лес, когда ему случалось носить в город, что за лесом, вкусную рыбу, которую он ловил у себя на косе. Должно быть, потому ему так легко было идти там, что никаких дурных помыслов он не таил в душе, да и к тому же каждый раз, вступая во мрак этого ославленного людьми места, он звонким голосом и от чистого сердца затягивал какую-нибудь духовную песню.



Лес был тёмный и густой, и водилась там всякая нечисть

Но вот в тот вечер, когда он, не ожидая ничего худого, сидел над своими сетями, на него вдруг напал необъяснимый страх: из лесного сумрака донёсся неясный шум, он всё близился и становился всё слышнее, словно всадник ехал на коне. Всё, что мерещилось старику ненастными ночами, все тайны зловещего леса сразу воскресли в его памяти, и прежде всего — гигантская фигура загадочного белого человека, непрестанно кивавшего головой. Да что говорить — когда он глянул в сторону леса, ему явственно почудилось, будто за сплетением листвы стоит этот кивающий головой человек. Однако вскоре он совладал с собой, рассудив, что до сих пор и в самом лесу с ним не случалось ничего худого, а уж на открытом-то месте нечистая сила и вовсе не сможет взять над ним верх. Он тут же громко, в полный голос и от чистого сердца произнёс стих из Священного Писания, это вселило в него мужество, и ему самому стало смешно, как это он мог так обознаться: кивающий головой человек внезапно обернулся давно знакомым лесным ручьём, который стремил свои пенистые воды в озеро. Ну а шум, как оказалось, произвёл нарядно одетый

рыцарь на коне, выехавший из-под деревьев и приближавшийся к хижине. Его пурпурный плащ был накинут поверх голубого, расшитого золотом камзола, с золотистого берета ниспадали пунцовые и голубые перья; на золотой перевязи сверкал богато изукрашенный редкой работы меч; белый жеребец под ним выглядел стройнее обычных боевых коней и так легко ступал по траве, что на пёстро-зелёном ковре и следов не оставалось. Старому рыбаку было всё ещё как-то не по себе, хоть он уже и смекнул, что такое прекрасное явление не сулит никакой опасности; он учтиво снял шапку перед подъехавшим всадником и продолжал спокойно чинить свои сети. Рыцарь остановился и спросил, не может ли он со своим конём найти здесь приют на ночь.

— Что до коня, господин мой, — ответил рыбак, — то для него у меня нет лучшей конюшни, чем эта защищённая деревьями лужайка, и лучшего корма, чем трава, что растёт на ней. Вам же я с радостью предлагаю разделить со мной ужин и ночлег, какие мне самому послал Господь.

Рыцарь был вполне доволен этим, он спешился, с помощью рыбака расседлал и разнуздал коня и, пустив его свободно пастись на цветущей лужайке, сказал хозяину:

— Если бы ты и оказался менее радушным и приветливым, славный старик, тебе бы всё равно сегодня от меня не избавиться; ведь перед нами — большое озеро, а пускаться на ночь глядя в обратный путь через этот лес с его диковинами — Боже нас спаси и помилуй!

— Лучше и толковать об этом не будем! — сказал рыбак и повёл гостя в хижину.

Там у очага, освещавшего скудным отблеском огня полутёмную опрятную горницу, сидела в высоком кресле старуха — жена рыбака. При виде знатного гостя она встала и приветливо поклонилась ему, но затем снова заняла своё почётное место, не предложив его пришельцу, на что рыбак с улыбкой заметил:

— Не взыщите, молодой господин, что она не уступила вам самого лучшего сиденья в доме; таков уж обычай у нас, бедных людей, самое удобное место отведено старикам.

— Э, муженёк, — молвила со спокойной улыбкой жена, — что это тебе в голову взбрело? Ведь гость наш не какой-нибудь нехристь, так неужто захочет он согнать с места старого человека? Садитесь, — продолжала она, обращаясь к рыцарю, — вон там есть ещё один стул, вполне пригодный, только глядите не ёрзайте и не слиш-

ком сильно двигайте его, а то у него одна ножка не очень прочно держится.

Рыцарь осторожно придвинул стул, с улыбкой опустился на него, и на душе у него стало вдруг так легко, словно он давно уже свой в этом маленьком домике и сейчас только воротился сюда издалека.

Между этими тремя славными людьми завязался дружеский разговор. Правда, о лесе, о котором рыцарь всё норовил побольше расспросить, старик не очень-то хотел рассказывать, и уж меньше всего сейчас, на ночь глядя; ну, а о своём хозяйстве и прочих делах супруги толковали весьма охотно и с любопытством слушали рассказы рыцаря о его странствиях и о том, что у него замок у истоков Дуная и что зовут его господин Хульдбранд фон Рингштеттен. Во время беседы гостю не раз слышалось что-то вроде плеска у низкого окошка, словно кто-то брызгал в него водой. Старик при этом звуке всякий раз недовольно хмурился; а когда наконец в стекло ударила целая струя и брызги сквозь плохо пригнанную раму попали в горницу, он сердито встал и угрожающе крикнул в сторону окна:

— Ундина! Кончишь ли ты когда-нибудь озорничать? Да к тому же сегодня у нас в доме гость.

Снаружи всё смолкло, потом послышался чей-то тихий смешок, и рыбак сказал, возвращаясь на место:

— Вы уж извините её, достопочтенный гость, может, она ещё какую штуку выкинет, но это без злого умысла. Это наша приёмная дочка Ундина; всё никак не может отвыкнуть от ребяческих замашек, хоть и пошёл ей осьмнадцатый год. Но сердце у неё доброе — это уж верно вам говорю!

— Да, хорошо тебе говорить! — возразила, покачав головой, старуха. — Ты-то вернёшься с рыбной ловли или там из города, и тебе кажутся милыми её шутки. А вот когда она день-деньской вертится перед носом, да ни одного путного слова от неё не услышишь, и в хозяйстве помощи никакой — в мои-то годы! — да ещё боишься всё время, как бы не погубила она нас своими глупостями, — это уж совсем другое дело, тут и святой не вытерпит!

— Ну, ладно, ладно, — усмехнулся хозяин. — У тебя Ундина, у меня озеро. Ведь и оно порой рвёт мои сети и пробивает верши, а всё равно я люблю его, а ты — несмотря на всю маету — любишь эту милую девчушку. Не так ли?

— И то правда, по-настоящему на неё и сердиться-то нельзя, — отвечала старуха, с улыбкой

кивнув головой.

В эту минуту дверь отворилась, и белокурая девушка поразительной красоты со смехом скользнула в комнату.

— Ты просто обманул меня, отец! Где же ваш гость? — спросила она, но в ту же минуту, увидев прекрасного рыцаря, застыла в изумлении. Хульдбранд залюбовался прелестной фигуркой, торопясь запечатлеть в своей памяти пленительные черты, пока девушка ещё не оправилась от изумления и из скромности не отвернулась от него. Но всё вышло совсем иначе. Она долго глядела на него, потом доверчиво к нему подошла, опустилась перед ним на колени и молвила, играя золотой медалью на драгоценной цепочке, висевшей у него на груди:

— О прекрасный, приветливый гость, как же очутился ты в нашей бедной хижине? Ты, верно, долго блуждал по белу свету, прежде чем попасть к нам? Ты пришёл из страшного леса, прекрасный друг?

Старуха не дала ему ответить — она стала бранить девушку и велела ей тотчас же встать с колен и приниматься за работу. Ундина, не отвечая ей, придвинула к стулу Хульдбранда низенькую скамеечку, уселась на неё со своей

пряжей и кротко молвила:

— Вот здесь я и буду работать.

Старик повёл себя так, как обычно ведут себя родители с избалованными детьми. Он притворился, что не заметил ослушания Ундины, и попытался завести разговор о чём-нибудь другом. Но девушка не дала ему и рта раскрыть. Она сказала:

— Я спросила нашего дорогого гостя, откуда он, и ещё не получила ответа.

— Я действительно пришёл из леса, моя красавица, — ответил Хульдбранд, а она продолжала:

— Ну а теперь расскажи мне, как ты туда попал — ведь другие люди боятся туда ходить — и что диковинного с тобой там приключилось — потому что ведь не могло же не приключиться!

Хульдбранд слегка вздрогнул при этом воспоминании и невольно глянул в окно — ему почудилось, будто вот-вот оттуда ухмыльнётся одна из тех образин, что повстречались ему в лесу. Но за оконным стеклом была лишь глухая чёрная ночь. Совладав с собой, он только что собирался начать свой рассказ, как старуха перебила его словами:

— Не время, господин рыцарь, не время сейчас для таких историй!

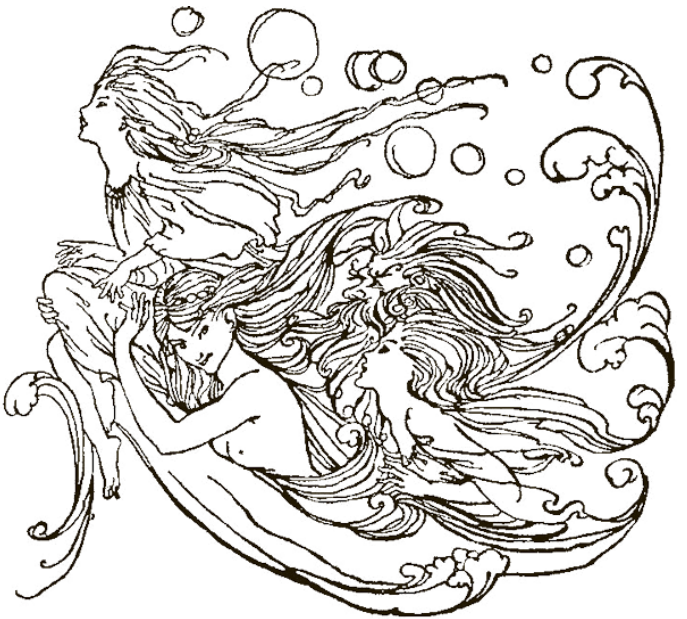
Ундина в сердцах вскочила со своей скамеечки, упёрла в бока красивые руки и воскликнула, подступив к рыбаку вплотную:

— Не время рассказывать, отец? Не время? Но я так хочу! Пускай, пускай рассказывает! — И она топнула стройной ножкой об пол, но всё это — с такой кокетливой грацией, что Хульдбранду было ещё труднее отвести глаза сейчас от её разгневанного личика, чем прежде, когда она была сама кротость. Однако у старика прорвалось наконец долго сдерживаемое раздражение. Он накинулся на Ундину, упрекая её за ослушание и дурное поведение при постороннем, жена возразила ему. Тогда Ундина крикнула:

— Коли вам нравится браниться и вы не хотите исполнять мои просьбы, спите одни в вашей старой прокопчённой хижине! — И, стремглав вылетев из дома, она в мгновенье ока скрылась в ночной тьме.



Глава вторая
О том, как Ундина попала к рыбаку



Хульдбранд и рыбак вскочили с мест и броси-

лись вдогонку за рассерженной девушкой. Но когда они выбежали наружу, Ундины и след простыл, и даже шорох её маленьких ножек затих, так что нельзя было узнать, в какую сторону она убежала. Хульдбранд вопросительно взглянул на хозяина дома; он готов уже был поверить, что прелестное виденье, так быстро потонувшее во мраке ночи, было не более как один из диковинных образов, что морочили его только что в лесу; но старик пробурчал себе под нос:

— Это она уже не в первый раз так! А теперь вот промаешься всю ночь без сна и покоя: кто знает, не случится ли с ней чего худого там, в темноте, ведь одна-одинёшенька до самой зари!

— Так пойдём же за ней, отец, бога ради! — тревожно воскликнул Хульдбранд.

Старик возразил:

— Зачем? Грех был бы отпускать вас одного глухой ночью в погоню за глупой девчонкой, а моим старым ногам не догнать эту озорницу, даже если бы мы знали, куда она побежала!

— Тогда давайте хотя бы покличем её и попросим вернуться, — сказал Хульдбранд и взволнованным голосом стал звать: — Ундина, ах Ундина! Воротись же!

Старик, покачивая головой, всё твердил, что

криком тут не поможешь; господин рыцарь ещё не знает, какая она упрямица. Но при этом и сам он не мог удержаться, чтобы время от времени не позвать:

— Ундина! Ундиночка! Прошу тебя, вернись хоть на этот раз!

Но всё было так, как он предсказывал. Ундины не было ни видно, ни слышно, и так как старик ни за что не хотел допустить, чтобы Хульдбранд один отправился на поиски беглянки, оба наконец вынуждены были вернуться в хижину. Здесь они увидели, что огонь в очаге почти погас, а хозяйка, которая куда менее близко принимала к сердцу бегство Ундины и грозящие ей опасности, уже отправилась на покой. Старик раздул тлеющие угли, подбросил сухих дров и, сняв с полки при свете вновь вспыхнувшего огня кувшин с вином, поставил его меж собой и гостем.

— Вы тоже тревожитесь за глупую девчонку, господин рыцарь, — молвил он, — давайте лучше скоротаем ночь за вином и беседой, чем ворочаться без сна на тростниковой подстилке. Не так ли?

Хульдбранд охотно согласился, рыбак усадил его на освободившееся почётное место хозяйки, и оба занялись беседой и вином, как и подобает

честным и добропорядочным людям. Правда, при малейшем шорохе за окном, а порою когда и вовсе ничего не было слышно, кто-нибудь из них поднимал голову со словами: «Это она!» Тогда они умолкали на мгновенье, а потом, убедившись, что никого нет, вздыхали и, покачав головой, продолжали разговор. Но так как они не могли думать ни о чём другом, кроме Ундины, то рыцарю только и оставалось, что выслушивать историю о том, как Ундина попала к старому рыбаку, а старику — рассказывать эту историю. Поэтому он начал так:

— Тому, должно быть, лет пятнадцать, шёл я однажды глухим лесом в город со своим товаром. Жена, как водится, оставалась дома, а в этот раз была на то и особая, радостная причина: Господь послал нам — в наши уже преклонные годы — прелестного младенчика. То была девочка, и мы всё толковали меж собой, не покинуть ли нам ради её блага нашу уютную косу и не поселиться ли где-нибудь в более людном месте, чтобы дать достойное воспитание этому сокровищу, ниспосланному нам небесами. По чести говоря, господин рыцарь, у нас, бедных людей, с этим обстоит не совсем так, как вам, быть может, кажется; но бог ты мой! Каждый делает то, что в его

силах. Ну так вот, шёл я, и всю дорогу дело это не выходило у меня из головы. Наша коса так уж мне полюбилась, и такая тоска брала меня всякий раз, как попаду в городскую сутолоку и шум, что я говорил себе: «Вот и ты вскорости поселишься на таком же бойком месте или другом каком, ещё и того хуже!» При всём том я не роптал на Господа моего, а напротив, в мыслях горячо благодарил его за наше дитятко, и ещё от чистого сердца и по всей правде скажу, что ни на том, ни на обратном пути через лес со мной не приключилось ничего худого или необычного, да и вообще-то ничего ужасного я там никогда не видывал. Господь всегда был со мной среди тех диковинных теней.

Тут он сдёрнул шапчонку с лысой своей головы и на некоторое время умолк, творя про себя молитву. Затем вновь прикрыл голову и продолжал:

— Здесь уже, по эту сторону леса, о да, по эту сторону ждала меня беда. Жена выбежала мне навстречу, слёзы ручьями лились у неё из глаз; она была в трауре. «Господи боже! — простонал я. — Где же наш ребёночек? Говори!» — «У того, к кому ты только что воззвал», — ответила она, и молча мы вошли в хижину. Я тщетно искал глазами маленькое тельце; и тут только узнал,

как всё это приключилось. Жена сидела с девочкой на берегу озера, весело и беззаботно играла с ней, как вдруг малютка, сидя у неё на руках, перегнулась вперёд, словно увидела в воде что-то удивительно прекрасное; жена ещё слышит её смех, видит, как она, наш ангелочек, перебирает ручонками — и в мгновенье ока быстрым движением выскальзывает из её рук прямо в озеро. Я потом долго искал маленькую утопленницу; но так и не нашёл; она как сгинула.

И вот сидим мы, осиротелые родители, в тот вечер в хижине: говорить нам невмоготу, даже если бы слёзы и не душили нас. Сидим и смотрим на огонь в очаге. Вдруг слышим — что-то зашуршало за дверью; она отворилась: на пороге стояла прелестная девчушка лет трёх-четырёх, в нарядной одежде, и улыбалась нам. Мы онемели от изумления; я даже не сразу понял — то ли это и вправду крошечное человеческое существо, то ли мне просто привиделось. Но тут я заметил, что у неё с золотистых волосиков и с богатого платья струится вода, и смекнул, что ребёнок упал в воду, а ему нужно помочь. «Жена, — говорю, — нам никто не мог спасти наше бесценное дитятко; так принесём же хоть другим то счастье, которым судьба обделила нас».


Arthur Rackham

На пороге стояла и улыбалась прелестная девчушка лет трёх-четырёх

Мы раздели малютку, уложили в постель, напоили горячим, она же не произнесла ни слова, а только всё улыбалась, не сводя с нас голубых, как озёрная гладь, очей.

На другое утро стало ясно, что ничего худого ей не сделалось, и я стал спрашивать, кто её родители и откуда она. В ответ мы услышали какую-то странную и сбивчивую историю. Должно быть, она была родом откуда-то издалека, ибо я не только за все эти пятнадцать лет не смог ничего разузнать об её родителях, но и сама-то она говорила, да и теперь порой говорит такие диковинные вещи, что впору думать, не свалилась ли она, чего доброго, с луны. Всё толкует о каких-то золотых дворцах с хрустальной крышей и ещё бог весть о чём. Самый вразумительный из её рассказов — это как она с матерью отправилась на прогулку по озеру, упала с лодки в воду, а пришла в себя уже только здесь, под деревьями, и тут-то, на весёлом бережку, сразу почувствовала себя как дома.

Ко всему этому у нас прибавилась ещё одна серьёзная забота.

То, что мы оставим её у себя и воспитаем

найдёныша вместо нашей утонувшей дочурки, — это-то мы решили сразу. Но кто знает, крещена ли девочка? Сама она ничего не могла сказать об этом. То, что она сотворена во славу и на радость Господу, она знает, — так отвечала она нам много раз, — и всё, что делается во славу и на радость Господу, пусть сотворят и с нею.


Arthur Rackham '09

Девочка рассказывала о себе диковинные вещи

Мы с женой рассудили так: ежели она не крещена, то нечего тянуть с этим, ну а ежели крещена, то маслом каши не испортишь, — в хороших вещах лучше сделать слишком много, чем слишком мало. И вот стали мы думать, какое бы ей выбрать имя покрасивее, ведь всё равно мы не знали, как нам её звать. Наконец решили, что лучше всего ей подойдёт Доротея — когда-то я слышал, что оно значит «дар Божий»; а ведь она и была нам послана в дар Господом, чтобы утешить нас в горе. Но она и слышать об этом не хотела и всё твердила, что родители звали её Ундиной; Ундиной она и хочет остаться. Ну а мне это имя казалось каким-то языческим, да и в святцах его нет; вот я и надумал посоветоваться со священником в городе. Тот тоже никогда не слыхал такого имени — Ундина. С трудом упросил я его отправиться со мной через заколдованный лес, чтобы совершить у нас в хижине обряд крещения. Малютка стояла перед нами такая прелестная в своём нарядном платьице, что сердце у священника растаяло, она так сумела подольститься к нему и тут же так забавно и мило упрямилась, что все доводы против имени Ундина разом вылетели у него из

головы. Словом, так и окрестили мы её Ундиной, и во всё время обряда вела она себя благонравно и послушно, хотя обычно была шаловливой и непоседливой. Вот уж в чём жена права: хлебнули мы с ней лиха. Порассказать бы вам…

Рыцарь перебил рыбака, обратив его внимание на шум, как бы от мощных ударов волн о берег; он ещё раньше доносился сквозь речь старика; теперь же с возрастающей силой раздавался у самых окон хижины. Оба собеседника выскочили за дверь и при свете взошедшей луны увидели, что ручей, струившийся из леса, вышел из берегов и вода бешено несётся, увлекая в водовороте камни и древесные стволы. Словно разбуженная этим грохотом, буря прорвала густые тучи, мчавшиеся по небу; озеро ревело под ударами хлещущего ветра, деревья на косе содрогались от корней до самых верхушек и в изнеможении сгибались под бушующими волнами.

— Ундина! Боже милостивый, Ундина! — звали перепуганные мужчины. Но никто не отзывался, и тогда, уже ни о чём не думая, крича и зовя её, они бросились вон из хижины в разные стороны.

Глава третья
О том, как они нашли Ундину



Чем дольше метался Хульдбранд в ночном мраке, так никого и не находя, тем большие смятение и тревога охватывали его. Мысль о том, что Ундина — всего лишь лесной дух, с новой силой овладела им. Уже и сама коса, и хижина, и её обитатели казались ему сейчас, среди завывания

волн и ветра, среди полностью преобразившейся, ещё недавно столь мирной местности, обманчиво дразнящим наваждением; но издалека по-прежнему сквозь грохот бури доносились тревожные крики рыбака, звавшего Ундину, и громкие молитвы и пение старухи. Наконец, вплотную подойдя к разлившемуся ручью, он увидел, что тот стремит свой необузданный бег наперерез таинственному лесу и коса тем самым превратилась в остров. «Боже милостивый! — подумал он. — Что, если Ундина отважилась сделать хоть шаг в этом страшном лесу, быть может, в своём смешном упрямстве, именно потому, что я не захотел рассказывать ей о нём, — а тут поток отрезал её, и она плачет одна-одинёшенька там, среди этой нечисти!» Крик ужаса вырвался у него, он стал спускаться к бурлящему потоку, цепляясь за камни и поваленные деревья, чтобы перебраться через него вброд или вплавь и броситься на поиски пропавшей девушки. Ему мерещилось, правда, всё жуткое и диковинное, что видел он ещё днём под этими стонущими и скрипящими ветвями; в особенности же высокий белый человек на другом берегу, — теперь он сразу узнал его, — ухмылявшийся и непрестанно кивавший головой. Но именно эти зловещие

видения с силой погнали его вперёд, как только представилась ему Ундина, совсем одна среди них, объятая смертельным ужасом. Он уже схватил было толстый сосновый сук и, опершись на него, ступил в середину потока, пытаясь удержаться на ногах; с твёрдой решимостью он шагнул глубже, как вдруг рядом с ним раздался мелодичный голосок:

— Не верь, не верь ему! Он коварен, этот старик, этот поток!


Arthur Rackham
1909

На маленьком островке среди бурлящего потока сидела Ундина

Он узнал милый звук этого голоса, остановился как вкопанный во мраке, внезапно скрывшем лунный свет, и у него закружилась голова от вихря бурлящих волн, которые неслись вперёд, обдавая его по пояс. И всё же он не собирался отступать.

— Если ты не существуешь, если ты всего лишь мираж, я не хочу больше жить, хочу стать тенью, как ты, милая, милая Ундина! — он громко произнёс эти слова и снова шагнул в глубь потока.

— Да оглянись же, оглянись, дурачок! — послышалось вновь совсем рядом, и, глянув в ту сторону, он увидел при свете внезапно вышедшей из-за туч луны под сплетёнными ветками деревьев на маленьком островке среди бурлящего потока Ундину, со смехом прильнувшую к траве.

О, как кстати ему пришёлся теперь его сук! В несколько прыжков одолел он расстояние, отделявшее его от девушки, и очутился рядом с ней на маленьком клочке земли, надёжно заслонённом шумящей листвой вековых деревьев. Ундина слегка приподнялась, обвила руками его шею и притянула к себе на мягкую траву.

— Вот здесь ты мне всё и расскажешь, пре-

красный мой друг! — шепнула она. — Здесь эти старые ворчуны не услышат нас! А этот навес из листьев наверняка уж стоит их жалкой хижины!

— Это само небо! — ответил Хульдбранд и обнял её, осыпая страстными поцелуями.

Между тем старый рыбак подошёл к берегу ручья и крикнул молодым людям:

— Эй, господин рыцарь, я приютил вас, как это принято между честными людьми, а вы тут милуетесь тайком с моей приёмной дочкой, да к тому же ещё заставляете меня тревожиться и искать её среди глубокой ночи!

— Я сам только что нашёл её, отец, — ответил рыцарь.

— Тем лучше, — сказал рыбак. — Ну а теперь не мешкая приведи-ка её сюда, на твёрдую сушу.

Но Ундина и слышать о том не хотела — уж лучше она отправится с прекрасным чужеземцем в дремучий лес, чем вернётся в хижину, где ей во всём перечат и откуда прекрасный рыцарь всё равно рано или поздно уедет. С невыразимой прелестью она запела, обнимая Хульдбранда:

Мечтая о просторе,
Волна, покинув падь,
Умчалась в сине море

И не вернётся вспять.

При звуках этой песни старый рыбак горько заплакал, но её это ничуть не тронуло. Она продолжала целовать и ласкать полюбившегося ей гостя, который наконец сказал ей:

— Ундина, если тебя не трогает горе старика, то меня оно растрогало. Пойдём к нему!

Она в изумлении раскрыла свои огромные голубые глаза и наконец произнесла медленно и неуверенно:

— Ты думаешь? Хорошо, я согласна со всем, чего ты хочешь. Но пусть этот старик сперва обещает мне, что даст тебе рассказать обо всём, что ты видел в лесу, и — ну, а остальное сладится само собой!

— Ладно, ладно, только воротись! — крикнул ей рыбак, не в силах вымолвить больше ни слова.



Рыцарь обнял девушку и перенёс её через бурлящий ручей

И он протянул ей руки через ручей и кивнул головой в знак согласия на её требование; при этом его белые волосы как-то чудно упали ему на лицо, и Хульдбранд вновь вспомнил кивавшего головой белого человека из леса. Но, отогнав от себя это наваждение, рыцарь обнял девушку и перенёс её через бурлящий ручей, отделявший островок от твёрдой суши. Старик прижал Ундину к сердцу, осыпал поцелуями и не мог наглядеться и нарадоваться на неё; появилась и старуха и тоже старалась ласками умилостивить беглянку. Никто уже и не думал упрекать её, тем более что и Ундина, забыв свой гнев, осыпала приёмных родителей нежными словами и ласками. Заря уже занималась над озером, когда они наконец пришли в себя после радостной встречи; буря утихла, птицы дружно запели на влажных ветвях. Так как Ундина всё ещё настаивала на обещанном рассказе рыцаря, старики с улыбкой покорились её желанию. Завтрак накрыли за хижиной под деревьями со стороны озера, и все уселись, радостные и довольные; Ундина, которая ни о чём другом и слышать не хотела, устроилась на земле у ног рыцаря, и Хульдбранд

начал свой рассказ.



Глава четвёртая
О том, что приключилось с рыцарем в лесу



— Тому назад дней восемь приехал я в имперский город, что находится за лесом. Там как раз готовился турнир и другие рыцарские состязания. Я принял в них участие, не щадя ни коня, ни копья. И вот как-то, когда я, отдав шлем одному из моих оруженосцев, остановился у барьера, чтобы передохнуть немного от этих радостных трудов,

мне бросилась в глаза прекрасная дама в богатом убранстве; она сидела на галерее и смотрела на состязания. Я спросил своего соседа, кто это, и узнал, что зовут её Бертальда и она приёмная дочь одного из самых могущественных герцогов этого края. Я заметил, что и она глядит на меня, и, как это бывает с нами, молодыми рыцарями, если поначалу я твёрдо сидел в седле, то теперь уж и подавно. Вечером я был её кавалером на танцах, и так продолжалось ежедневно до конца торжеств.

Резкая боль в свисавшей левой руке прервала речь Хульдбранда и привлекла его взгляд к больному месту. Ундина вонзила свои жемчужные зубки ему в палец, и вид у неё был при этом хмурый и недовольный. Но тут же она заглянула ему в глаза с нежностью и грустью и еле слышно прошептала:

— Вы поступили точно так же!

Потом она прикрыла лицо руками, а рыцарь, ошеломлённый и растерянный, продолжал свой рассказ:

— Эта Бертальда оказалась девушкой надменной и своенравной. На другой день она уже нравилась мне гораздо меньше, чем в первый, а на третий — ещё того меньше. Но я оставался

при ней, ибо она была ко мне милостивее, чем ко всем другим рыцарям, и так получилось, что я шутя попросил у неё перчатку. «Я дам вам её, — молвила она в ответ, — если вы и только вы один расскажете мне, каков же на самом деле этот знаменитый лес, о котором бродит столько дурных толков». Не так уж нужна была мне её перчатка, но слово есть слово, и какой же рыцарь, мало-мальски наделённый честолюбием, заставит дважды просить себя пройти такой искус.

— Вы, наверное, полюбились ей? — перебила его Ундина.

— Похоже на то, — отвечал Хульдбранд.

— Ну, тогда она, должно быть, очень глупа, — со смехом воскликнула девушка. — Гнать прочь от себя того, кого любишь, да ещё в такой лес, о котором ходит худая слава! Уж от меня-то этот лес и все его тайны не дождались бы ничего подобного!

— Итак, вчера утром я отправился в путь, — продолжал рыцарь, ласково улыбнувшись Ундине. — Стволы сосен розовели в утренних лучах, ложившихся светлыми полосами на зелёную траву, а листья так весело перешёптывались, что я в душе посмеивался над людьми, которые ожидают чего-то страшного от этого

мирного места. Скоро я проеду лес насквозь туда и обратно, говорил я себе, довольно улыбаясь, но не успел и оглянуться, как уже углубился в густую зеленоватую тень, а открытая прогалина позади меня исчезла из виду. Тут только мне пришло на ум, что в таком огромном лесу я легко могу заблудиться, и это и есть, пожалуй, единственная опасность, грозящая здесь путнику. Я остановился и посмотрел на солнце — оно стояло уже довольно высоко. Взглянув вверх, я увидел в ветвях могучего дуба что-то чёрное. Подумав, что это медведь, я схватился за меч; и тут вдруг оно говорит человечьим голосом, но хриплым и отвратительным: «Если бы я здесь наверху не наломал сучков, на чём бы тебя, дуралея, сегодня в полночь стали жарить?» — и ухмыльнулось и зашуршало ветвями; мой конь шарахнулся прочь и понёс меня, так что я не успел рассмотреть, что это была за чертовщина.


Arthur Rackham 1909

Диковинный человечек, корчась всем телом, скачками нёсся рядом с конём

— Лучше не поминайте его, — молвил старый рыбак и перекрестился; жена молча последовала его примеру.

Ундина устремила ясный взгляд на своего милого и сказала:

— Самое лучшее во всей истории — это то, что на самом деле его не изжарили. Дальше, прекрасный юноша!

Рыцарь продолжал свой рассказ:

— Мой перепуганный конь чуть было не разбил меня о стволы и торчащие сучья. Он был весь в мыле от испуга и возбуждения, и я никак не мог осадить его. Он нёсся напрямик к каменистому обрыву; и тут мне почудилось, будто наперерез взбесившемуся жеребцу кинулся какой-то длинный белый человек; испуганный конь остановился, я вновь сладил с ним и тут только увидел, что спасителем моим был никакой не белый человек, а светлый серебристый ручей, бурно низвергавшийся с холма и преградивший своим течением путь коню.

— Благодарю тебя, милый ручей! — воскликнула Ундина, захлопав в ладоши. Старик же только задумчиво покачал головой.

— Не успел я твёрдо усесться в седле и натянуть поводья, — продолжал Хульдбранд, — как вдруг, откуда ни возьмись, рядом со мной очутился диковинный человечек, крошечный и безобразный, с изжелта-смуглым лицом и огромным носом, почти такой же величины, как он сам. Большой рот его был растянут в глупой ухмылке, он непрестанно отвешивал поклоны и шаркал ногой. Мне стало очень не по себе от этого паясничания, я коротко кивнул в ответ, поворотил моего всё ещё дрожащего коня и мысленно пожелал себе другого приключения, а буде такого не окажется — пуститься в обратный путь, ибо солнце тем временем уже начало клониться к закату. Но тут этот сморчок в мгновенье ока отскочил и вновь очутился перед моим жеребцом! «Дорогу! — крикнул я с досадой. — Конь разгорячён и, того и гляди, собьёт тебя с ног!» — «Э, нет, — прогнусавил коротышка и расхохотался ещё глупей прежнего. — А где же денежки в награду? Ведь это я остановил вашу лошадь; а не то — лежать бы вам со своей лошадкой там, на дне оврага, ой-ой-ой!» — «Хватит корчить рожи! — крикнул я. — На, бери свои деньги, хоть всё это и враньё, потому что спас меня вовсе не ты, ничтожная тварь, а вон тот добрый ручей!» — и швырнул

золотой в его диковинную шапчонку, которую он, на манер нищего, протягивал мне. Я поехал прочь; но он продолжал кричать мне вслед и вдруг с непостижимой быстротой вновь оказался подле меня. Я пустил коня галопом, он скачками нёсся рядом, хоть, видно, туго ему приходилось, и при этом извивался и корчился всем телом, так что глядеть на это было и смешно, и противно, и удивительно, да ещё всё время вертел над головой монету, взвизгивая при каждом прыжке: «Фальшивые деньги! Фальшивая монета! Фальшивая монета! Фальшивые деньги!» — и выдавливал это из глотки с таким хрипом, словно вот-вот после каждого возгласа рухнет замертво оземь. А из раскрытой пасти у него свешивался мерзкий красный язык. В растерянности я придержал коня и спросил: «Что ты кричишь? Чего тебе надо? Возьми ещё золотой, возьми ещё два, только отстань от меня!» Тут он снова начал отвешивать свои тошнотворно угодливые поклоны и прогнусавил: «Нет, не золото, сударик мой, никак не золото! Этого добра у меня у самого вволю, сейчас покажу!» И тут вдруг мне почудилось, что я вижу сквозь зелёный дёрн, как сквозь зелёное стекло, а плоская земля стала круглой, как шар, и внутри неё копошились, играя серебром и зо-

лотом, маленькие кобольды. Они кувыркались через голову, швыряли друг в друга слитками драгоценных металлов, прыскали в лицо золотой пылью, а мой уродливый спутник стоял одной ногой внутри, другой снаружи. Те подавали ему груды золота, он, смеясь, показывал его мне, а потом со звоном швырял обратно в бездну. Потом снова показывал кобольдам мой золотой, и они до упаду хохотали и улюлюкали. А затем они потянулись ко мне своими почерневшими от металла пальцами, и — всё быстрее и быстрее, всё теснее и теснее, всё яростнее и яростнее закружилась и забарахталась вокруг эта чертовня — тут меня, как раньше мою лошадь, охватил ужас, я пришпорил коня и, не разбирая дороги, вновь помчался в глубь леса.


Arthur Rackham 1909

Под землёй копошились, играя серебром и золотом, маленькие кобольды

Когда я наконец остановился, уже вечерело, потянуло прохладой. Сквозь ветви белела тропинка, которая, мне думалось, должна была вывести меня из лесу в город. Я пытался пробиться к ней, но из-за листьев на меня глядело неясно белеющее лицо со всё время меняющимися чертами. Я хотел объехать его, но куда бы ни повернул, оно было тут как тут. В ярости я решился наконец направить коня прямо на него, но тут оно брызнуло в глаза мне и лошади белой пеной, и, ослеплённые, мы вынуждены были повернуть назад. И так оно теснило нас шаг за шагом прочь от тропы, оставляя свободным путь лишь в одном направлении. Когда же мы двинулись в ту сторону, оно следовало за нами по пятам, не причиняя, однако, ни малейшего вреда. Когда я изредка оглядывался, я видел, что это белое струящееся лицо сидело на таком же белом гигантском туловище. Порою казалось, что это движущийся фонтан, но мне так и не удалось увериться в этом. Измученный конь и всадник уступили белому человеку, который всё время кивал нам, словно хотел сказать: «Вот так, вот так!» Понемногу мы добрались до выхода из лесу, я увидел траву, и озеро, и вашу хижину, а

длинный белый человек исчез.

— И хорошо, что исчез, — сказал старый рыбак и тут же заговорил о том, каким образом его гостю лучше всего добраться в город к своим. Ундина начала потихоньку посмеиваться над ним. Хульдбранд заметил это и молвил:

— Мне казалось, ты рада, что я здесь; чего же ты веселишься, когда речь идёт о моём отъезде?

— Потому что ты не уедешь, — отвечала Ундина. — Попробуй-ка переправься через разлившийся лесной ручей на лодке, на коне или пешком — как тебе будет угодно. Или лучше, пожалуй, не пробуй, потому что ты разобьёшься о камни и стволы, которые уносит течение. Ну а что до озера, то тут уж я знаю — отец не слишком далеко отплывёт на своём челноке.

Хульдбранд с улыбкой встал, чтобы взглянуть, так ли это, как сказала Ундина; старик пошёл с ним, а девушка, шутя и дурачась, последовала за ними. Всё оказалось так, как сказала Ундина; и рыцарю пришлось уступить и остаться на косе, превратившейся в остров, до тех пор, пока не спадёт вода. Когда они втроём возвращались в хижину, рыцарь шепнул на ухо девушке:

— Ну как, Ундина? Ты недовольна, что я остался?

— Ах, перестаньте, — ответила она нахмурясь. — Если бы я не укусила вас, кто знает, сколько бы вы ещё порассказали об этой Бертальде.

Глава пятая
О том, как рыцарь жил на косе



Тебе, быть может, доводилось, любезный читатель, после странствий и блужданий по белу свету оказаться в таком месте, которое пришлось тебе по душе; заложенная в каждом из нас любовь к своему очагу и мирное спокойствие вновь пробудились в твоём сердце: родной край со всеми цветами детских лет улыбнулся тебе, и чистой, искренней любовью повеяло от дорогих могил; вот

здесь-то и нужно селиться и ставить свою хижину. Быть может, всё это заблуждение, в котором ты потом мучительно раскаешься, — не в этом суть, да и сам ты вряд ли захочешь растравлять себе душу горьким привкусом воспоминания. Нет, лучше пробуди в памяти то невыразимо сладостное предчувствие, то ангельское умиротворение, и тогда ты хотя бы отдалённо сможешь представить себе, что было на душе у рыцаря Хульдбранда, когда он жил на косе.

Частенько он с тайной радостью поглядывал, как с каждым днём всё более набухает лесной ручей, всё шире прокладывая себе русло, и тем самым всё дальше отодвигается для него возможность покинуть остров. Днём он подолгу бродил, вооружась старым луком, который нашёл в углу хижины и приспособил для стрельбы, подстерегал пролетающих птиц и, подстрелив дичь, отдавал её изжарить на кухню.

Когда он возвращался с добычей, Ундина не упускала случая упрекнуть его за то, что он так жестоко отнял жизнь у этих милых, весёлых созданий, носившихся в небесной лазури; порою при виде мёртвых птичек она принималась горько плакать. Но если в другой раз он возвращался с пустыми руками, она так же серьёзно журила его

за то, что из-за его неловкости или рассеянности им придётся довольствоваться рыбой и раками. И всякий раз он радовался этим милым вспышкам гнева, тем более что потом она обычно старалась загладить свои выходки нежными ласками.

Старики свыклись с взаимной привязанностью молодых людей; те представлялись им обручёнными или даже супружеской четой, подспорьем их старости на этом уединённом острове. Именно эта уединённость укрепила Хульдбранда в мысли, будто он и в самом деле уже стал женихом Ундины. Ему казалось, что там, за лесным ручьём, вовсе нет никакого иного мира или что попасть туда, к другим людям, невозможно; а если случалось, что ржанье его коня словно бы вопрошало и звало к рыцарским подвигам, или сверкнувший на расшитом седле и чепраке герб привлекал его взор, или, со звоном выскользнув из ножен, срывался с гвоздя на стене хижины его добрый меч, — тогда он успокаивал себя тем, что Ундина ведь совсем не дочь рыбака, а, вернее всего, происходит из какого-то удивительного чужеземного княжеского рода.

Одно лишь было ему в тягость — когда старуха начинала при нём бранить Ундину. Правда, в ответ на это своенравная девушка большей ча-

стью открыто смеялась ей в лицо; ему же всякий раз казалось, будто задета его честь, хоть он и понимал, что старуха не так уж неправа, ибо на самом деле Ундина заслуживала в десять раз больше упрёков, чем получала; а потому в душе он сочувствовал хозяйке дома, и жизнь текла дальше, всё так же мирно и радостно.

Но вот однажды мирное это течение было нарушено. Дело в том, что рыбак и рыцарь привыкли за обедом и по вечерам, когда снаружи завывал ветер, — как это всегда бывало с наступлением темноты, — коротать время за кружкой. А тут запасы вина, которое рыбак раньше понемногу приносил из города, кончились, и оба они не на шутку приуныли. Ундина весь день мужественно пыталась подтрунивать над ними, не получая в ответ обычных шуток с их стороны. Вечером она вышла из хижины, чтобы, по её словам, не видеть их скучных, вытянутых физиономий. Но с наступлением сумерек надвинулась буря, вода уже выла и шумела, и рыцарь и рыбак испуганно выскочили за дверь, чтобы воротить девушку, памятуя о той тревожной ночи, когда Хульдбранд впервые переступил порог хижины. Но Ундина уже шла им навстречу, радостно хлопая в ладоши.

— Что вы мне дадите, если я добуду вам вино?

Или, впрочем, можете ничего не давать, — продолжала она, — с меня хватит и того, что вы развеселитесь и не будете сидеть с такими постными лицами, как весь этот скучный день. Пойдёмте-ка со мной, лесной ручей пригнал к берегу бочку, и я не я буду, если не окажется, что в ней вино.

Мужчины пошли следом за ней и в самом деле нашли в тихой заводи у берега бочку, которая явно сулила им желанный напиток. Они поспешили вкатить её в хижину, потому что на вечернем небе уже сгущались грозовые тучи и в сумерках было видно, как вздымаются на озере белые барашки волн, словно озираясь, скоро ли на них обрушится ливень. Ундина по мере сил помогала мужчинам, а когда внезапный порыв ветра сгустил тучи над их головой, она крикнула, шутливо погрозив в сторону потемневшего неба:

— Эй, ты! Смотри не вздумай окатить нас, пока мы ещё не под крышей!


Arthur Rackham '09

Ундина погрозила в сторону потемневшего неба: «Не вздумай окатить нас»

Старик прикрикнул на неё за такую дерзость, она же только потихоньку усмехнулась, и в самом деле, никакой беды её слова не накликали. Напротив, все трое, вопреки ожиданиям, добрались до хижины со своей добычей сухими и невредимыми, и только когда уже успели вскрыть бочку и убедиться, что она наполнена отменным вином, оглушительный ливень прорвал густые тучи, и буря налетела на верхушки деревьев и на вздымавшиеся волны озера.

Они сразу же нацедили несколько бутылок от большой бочки, а всего запаса должно было хватить на много дней; сидя у очага, они пили, шутили и чувствовали себя в безопасности от разыгравшейся непогоды. Но тут старый рыбак вдруг произнёс серьёзным тоном:

— Боже милостивый! Мы тут сидим, радуемся бесценному подарку, а тот, кому он принадлежал и у кого был отнят потоком, наверное, поплатился жизнью.

— Так уж и поплатился! — усмехнулась Ундина, подливая рыцарю вина.

Но тот сказал:

— Клянусь честью, отец, если бы только я мог

разыскать и спасти его, меня не остановили бы ни опасность, ни ночной мрак. В одном могу поклясться: если когда-нибудь суждено мне вернуться в обитаемые места, то я разыщу этого человека или его наследников и дважды, трижды возмещу им это вино.

Его слова пришлись старику по душе; он одобрительно кивнул головой и с чистой совестью и в полное своё удовольствие осушил кубок. Ундина же сказала Хульдбранду:

— С возмещением и вообще с твоим золотом можешь поступать как хочешь. А вот бежать на поиски — это глупости. Я бы все глаза себе выплакала, если бы ты погиб из-за этого, да и сам ты охотнее останешься здесь со мной и с этим добрым вином, не так ли?

— Пожалуй, что так, — улыбнулся Хульдбранд.

— Ну вот, — подхватила Ундина, — значит, и вправду глупости. Своя рубашка ближе к телу, что тебе до других людей?

Хозяйка со вздохом отвернулась от неё, недовольно покачав головой, рыбаку же изменила на этот раз его обычная снисходительность, и он сурово приструнил девушку.

— Послушать тебя, так можно подумать, что тебя турки и язычники растили! — заключил он

свою речь. — Господи, прости нас обоих, никудышное ты чадо!

— Уж какая уродилась, такой и останусь, кто бы ни растил и что бы вы тут ни толковали!

— Замолчи! — прикрикнул на неё рыбак, и она, несмотря на весь свой задор, пугливо съёжилась, дрожа всем телом, прижалась к Хульдбранду и еле слышно спросила:

— Ты тоже сердишься на меня, прекрасный друг?

Рыцарь сжал её нежную руку и погладил кудри. Он не мог вымолвить ни слова — его душила досада на старика за его суровость к Ундине, и вот обе пары молча сидели друг против друга в неловком замешательстве.



Глава шестая
О венчании



Внезапно тихий стук в дверь прервал наступившую тишину и испугал всех сидевших в хижине; случается ведь, что какая-нибудь неожиданная мелочь взволнует нам душу и вселит в неё ужас. А тут ещё так близко был этот проклятый лес, да и коса ведь была теперь недоступна для других людей. Все вопросительно переглянулись; стук повторился, и за ним из-за двери послышался глубокий вздох. Рыцарь потянулся было к мечу,

но тут старик вымолвил тихо:

— Если это то, чего я опасаюсь, оружие нас не спасёт.

Между тем Ундина подошла к двери и крикнула недовольным и решительным тоном:

— Эй вы, духи земли, если вы вздумали безобразничать, Кюлеборн научит вас уму-разуму!

От этой странной речи ужас присутствующих ещё усилился; они со страхом поглядывали на девушку, и Хульдбранд уже отважился было спросить её, что всё это значит, когда снаружи раздался голос:

— Никакой я не дух земли, а просто дух, пока ещё обитающий в земном теле. Если вы готовы прийти ко мне на помощь, вы, там, в хижине, то отворите, во имя Господа Бога!

Ундина в эту минуту уже открыла дверь и протянула наружу руку с лампой, осветив ночной мрак, и тут они увидели на пороге старого священника, испуганно отпрянувшего от неожиданности при виде прекрасной девушки. Должно быть, он решил, что дело тут нечисто, раз из такой жалкой лачуги выходит такое прелестное создание, а посему начал громко молиться:

— Все добрые духи славят Господа, Спасителя нашего!

— Я совсем не привидение, — усмехнулась Ундина, — неужели я выгляжу так безобразно? Да к тому же вы видите, ваша молитва не спугнула меня. Я тоже кое-что слыхала о Господе и умею его славить; правда, всяк делает это на свой лад, на то он нас и сотворил. Войдите, достопочтенный отец, вы попали к добрым людям.

Священник, склонив голову и озираясь, вошёл в горницу, вид у него был вполне почтенный и благодушный. Но вода ручьями текла со складок его тёмного одеяния, с длинной белой бороды и белых кудрей. Рыбак и рыцарь увели его в соседнюю каморку и дали переодеться в сухое платье, передав женщинам в горницу для просушки его промокшую одежду. Пришелец смиренно и ласково поблагодарил их, но решительно отказался принять из рук рыцаря его сверкающий золотым шитьём плащ; он предпочёл надеть старую серую куртку рыбака. Они вернулись в горницу, старуха сразу же уступила священнику своё кресло и не успокоилась, пока он не уселся.

— Потому как, — молвила она, — вы стары, измучены, да ещё и духовного звания.

Ундина подвинула ему под ноги свою скамеечку, на которой она обычно сидела подле Хульдбранда, и вообще вела себя весьма при-

мерно и мило, заботливо ухаживая за добрым стариком. Хульдбранд попытался шёпотом на ухо подразнить её, но она возразила серьёзным тоном:

— Ведь он слуга того, кто сотворил нас всех, этим не шутят.

Рыцарь и рыбак угостили священника едой и вином, и тот, понемногу придя в себя, принялся рассказывать, как он вчера отправился из своего монастыря, что стоит далеко за озером, в резиденцию епископа, чтобы доложить ему, в каком бедственном положении оказались из-за нынешнего небывалого наводнения монастырь и его угодья. Совершив несколько непредвиденных объездов, вызванных всё тем же наводнением, он к вечеру оказался перед разлившимся протоком озера и попытался переправиться через него с помощью двух опытных перевозчиков.

— Но только наша лодчонка коснулась воды, как разразилась ужасная буря, которая и сейчас ещё бушует у нас над головой. Волны словно только того и ждали, чтобы затеять бешеную пляску и закружить нас в своём водовороте. Они вырвали вёсла из рук моих гребцов и унесли прочь их обломки. А нас самих, беспомощных перед тёмными силами природы, несло по гребням

волн к вашему дальнему берегу, который уже проглядывал в тумане и в пене струй. Челнок вертело и кидало с неистовой силой. Не знаю, он ли перевернулся, я ли вылетел из него. В смутном страхе близящейся ужасной гибели я нёсся всё вперёд, пока волна не выбросила меня сюда, под деревья, на ваш остров.

— Да уж, поистине остров! — молвил рыбак. — Ещё недавно это была коса, а теперь, когда лесной ручей и озеро совсем с ума посходили, всё у нас выглядит по-другому.

— И мне так почудилось, — заметил священник. — Когда я в темноте пробирался вдоль воды и кругом неистовствовала буря, я разглядел наконец что-то вроде протоптанной тропинки, которая терялась в водовороте, но тут я увидел свет в вашей хижине, отважился пойти на огонёк и вот благодарю Отца Небесного, который спас меня из волн и к тому же привёл к таким благочестивым людям, как вы; тем более кто знает, увижу ли я ещё когда-нибудь в сей жизни живую душу, кроме вас четверых.

— Это почему же? — спросил рыбак.

— Кто знает, сколько ещё продлится эта игра стихий, — возразил священник. — А я уже в преклонных летах. И слабый ручеёк моего зем-

ного бытия может иссякнуть и уйти под землю раньше, чем схлынет разлив лесного ручья. Да и вообще легко может случиться, что вода меж вами и лесом будет всё прибывать и отрежет вас от остальной земли, так что вам на вашей рыбачьей лодочке будет не доплыть туда и обитатели твёрдой суши и вовсе позабудут о вас в своей суете земной.

При этих словах старуха вздрогнула, перекрестилась и молвила:

— Господи помилуй!

Но рыбак, с усмешкой взглянув на неё, сказал:

— Каков, однако, человек! Ведь уж для тебя-то, дорогая жёнушка, ничего бы не изменилось. А ходила ли ты за все эти годы хоть раз дальше опушки леса? И видала ли ты других людей, кроме Ундины и меня? А теперь вот к нам пришли господин рыцарь и священник. Если мы превратимся в забытый островок, они останутся у нас. Так ты ещё будешь и в выигрыше.

— Не знаю, право, — сказала старуха, — а всё же как-то жутко становится, как подумаешь, что на веки вечные ты отрезан от других людей, даже если никогда не видел и не знавал их!

— Тогда бы ты остался у нас, остался у нас! — тихонько нараспев промурлыкала Ундина и ещё

теснее прильнула к Хульдбранду. Но он весь был погружён в дивные и сокровенные видения, возникшие в его душе. С последними словами священника мир, лежащий за лесным ручьём, стал отступать всё дальше, становился всё более смутным и неясным, а цветущий остров, где он жил, всё ярче зеленел и улыбался, овладевая его душой. Невеста представала пламенеющей розой этого маленького клочка земли, да и всего света, священник был под рукой. А тут ещё хозяйка бросила на девушку сердитый взгляд за то, что та в присутствии духовного лица так тесно прижалась к любимому, и, казалось, вот-вот на неё обрушится новый поток докучливых слов и упрёков. И тогда рыцарь обернулся к священнику и молвил, неожиданно для самого себя:

— Перед вами нареченные, достопочтенный отец, и если эта девушка и добрые эти старики согласны, обвенчайте нас сегодня же вечером!

Старики не могли опомниться от изумления. Они, правда, уже кое-что примечали, но никогда не высказывали вслух, и теперь, когда рыцарь сам произнёс эти слова, они показались им чем-то новым и неслыханным. Ундина вдруг стала совсем серьёзной и задумалась, устремив взгляд в землю, меж тем как священник при-

нялся расспрашивать более подробно обо всех обстоятельствах и осведомился у стариков об их согласии. Потолковав о том о сём, они объяснились наконец начистоту; хозяйка отправилась готовить молодым спальню и извлечь из сундука свячёные венчальные свечи, которые давно уже были припрятаны у неё для такого торжества. Рыцарь же возился со своей золотой цепью, стараясь отъединить от неё два кольца, чтобы обменяться ими с невестой. Но она, заметив это, очнулась от своего глубокого раздумья и сказала:

— О нет! Не такой уж нищей отпустили меня на все четыре стороны мои родители; они, как видно, давно уже предчувствовали, что когда-нибудь настанет такой вечер!

Она быстро вышла за дверь и тотчас же вернулась с двумя драгоценными кольцами; одно она протянула жениху, другое оставила себе. Старый рыбак был вне себя от изумления, а старуха, в эту минуту вошедшая в комнату, — и того более: они ведь никогда не видели у девушки этих драгоценностей.

— Мои родители, — сказала Ундина, — зашили эти вещицы в нарядное платьице, которое было на мне, когда я пришла к вам. И они же запретили мне хотя бы единым словом обмолвиться об этом

до самого вечера моей свадьбы. Ну вот, я извлекла их потихоньку и спрятала до сегодняшнего дня.

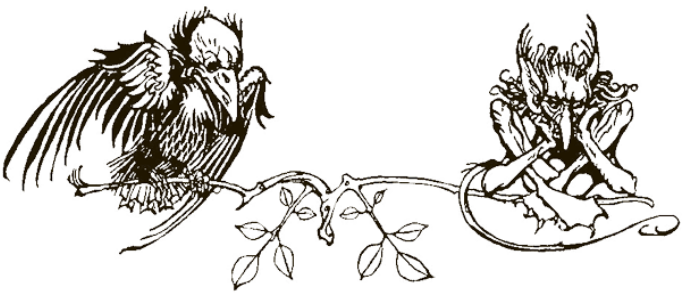
Священник прервал дальнейшие расспросы и возгласы удивления; он зажёг и поставил на стол венчальные свечи и велел жениху и невесте подойти. Короткими торжественными словами он соединил их, старики благословили молодых, и юная невеста задумчиво и с лёгкой дрожью склонилась на плечо рыцаря. И тут вдруг священник молвил:

— Какие вы, право, чудны́е люди! Что ж вы толковали мне, что вы одни здесь на острове? Всё время, пока я совершал обряд, в окно напротив меня глядел внушительного вида высокий человек в белом плаще. Он, должно быть, всё ещё стоит у двери, если вы пожелаете пригласить его в дом.

— Упаси боже! — сказала хозяйка, вздрогнув, старик молча покачал головой, а Хульдбранд бросился к окну. Ему и самому показалось, будто он видит белую голову, которая сразу же скрылась в темноте. Он убедил священника, что тому всё это почудилось, и все дружно уселись за стол.



Глава седьмая
О том, что случилось потом в свадебный вечер



До и во время венчания Ундина вела себя тихо и благонравно; зато теперь все диковинные и дерзкие причуды, клокотавшие в ней, словно бы с силой выплеснулись наружу. Она донимала своими выходками жениха, родителей и даже высокочтимого пастыря, когда же хозяйка дома попыталась одёрнуть девушку, рыцарь остановил её, с серьёзным видом напомнив ей, что Ундина — его жена. Между тем ему и самому было не по себе от ребячества Ундины; но ничего тут было не поделать — ни знаки, ни покашливание,

ни укоризненные слова не помогали. Всякий раз, как новобрачная замечала недовольство своего любимого, — а это было не однажды, — она, притихнув, подсаживалась к нему, гладила его, улыбалась, шептала ему что-то на ухо, и хмурое чело его прояснялось. Но сразу же какая-нибудь взбалмошная выходка увлекала её, и вновь начиналась всё та же шутовская возня, ещё хуже прежнего. Наконец священник молвил очень серьёзным и вместе с тем дружеским тоном:

— Моё милое юное дитя, хоть на тебя и нельзя смотреть без восхищения, однако подумай всё же о том, как бы вовремя настроить свою душу в лад с душой твоего избранника.

— Душа? — рассмеялась в ответ Ундина. — Это звучит красиво и для большинства людей служит, быть может, поучительным и полезным уроком. Ну а если у кого и вовсе нет души — скажите на милость, как же её настроить? Со мной вот именно так и обстоит!

Священник умолк, глубоко задетый этими словами, и, исполненный благочестивого негодования и скорби, отвернулся от девушки. Она же с вкрадчивой улыбкой приблизилась к нему и молвила:

— Нет, сначала выслушайте толком, а потом

уж хмурьтесь, ведь ваш сердитый вид причиняет мне боль, а вы не должны причинять боль ни одному созданию, которое само не сделало вам ничего дурного. Потерпите немного, и я объясню вам, что я хотела сказать.

Казалось, она готовится начать длинную речь, но вдруг запнулась, как бы охваченная внутренней дрожью, и разразилась потоком горьких слёз. Окружающие не знали толком, что с ней делать, и молча глядели на неё, каждый со своей тревогой в сердце. Наконец она молвила, вытерев слёзы и серьёзно глянув на священника:

— Душа — это, должно быть, что-то очень милое, но и очень страшное. Боже правый! Не лучше ли, святой отец, и вовсе не иметь её?

Она вновь умолкла, как бы в ожидании ответа. Слёзы её перестали течь. Все, кто был в комнате, поднялись с мест и в ужасе отступили. Она же не сводила глаз со священника, черты её выражали робкое любопытство, и именно это и наводило такой ужас на окружающих.

— Тяжкое, должно быть, бремя — душа, — продолжала она, не дождавшись ответа, — очень тяжкое! Ибо уже сам приближающийся образ её осеняет меня страхом и скорбью. А мне ведь было всегда так легко, так радостно!

И она вновь залилась слезами и скрыла лицо в складках своей одежды. Тогда священник подошёл к ней, лицо его было строгим. Он обратился к ней, заклиная её всеми святыми отбросить обманчивую оболочку лучезарной кротости, если за ней скрывается недоброе. Она же опустилась на колени, повторяя вслед за ним святые слова, славя Господа и клянясь, что никому на свете не желает зла. Наконец священник сказал рыцарю:

— Я оставляю вас, юный супруг, с той, с кем я вас сегодня обвенчал. Насколько я могу судить, в ней нет ничего дурного, но много странного. Я препоручаю её вашей осмотрительности, любви и верности.

С этими словами он вышел, старики последовали за ним, осеняя себя крестным знамением.

Ундина всё ещё стояла на коленях. Она приоткрыла лицо и сказала, робко взглянув на Хульдбранда:

— Ах, теперь ты меня, конечно, покинешь; а ведь я, бедное, бедное дитя, не сделала ничего дурного!

Она произнесла это с такой невыразимой грацией и выглядела так трогательно, что её жених мигом забыл всё то страшное и загадочное, что так испугало его, и поспешил к ней с раскрытыми

объятиями. Она улыбнулась сквозь слёзы — словно утренняя заря заиграла на ручейках.

— Ты не можешь покинуть меня! — доверчиво и вместе с тем твёрдо шепнула она, и руки её нежно коснулись щёк рыцаря. Это окончательно развеяло зловещие мысли, которые гнездились в глубине его души и нашёптывали ему, что он связал свою судьбу с феей или каким-то иным коварным порождением мира духов; и лишь один вопрос сорвался как бы невзначай с его губ:

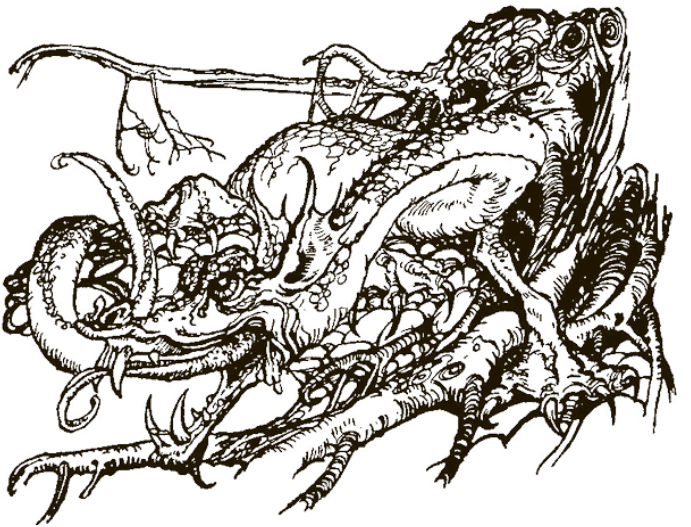
— Ундина, милая, скажи только одно: что это ты говорила такое о духах земли и о Кюлеборне, когда священник постучался в дверь?

— Сказки, детские сказки! — ответила, смеясь, Ундина, вновь обретая свою обычную весёлость. — Сперва я нагнала на вас страху, а потом вы на меня. Только и всего. Вот и песне конец, да и всему свадебному вечеру.

— Нет, не конец! — воскликнул опьянённый любовью рыцарь, погасил свечи и, осыпая поцелуями свою прекрасную возлюбленную, озарённую ласковым сиянием луны, понёс её в горницу, где было приготовлено брачное ложе.



Глава восьмая
На утро после свадьбы



Свежий утренний свет разбудил новобрачных. Ундина стыдливо притаилась под одеялом, а Хульдбранд лежал, погружённый в размышления. Ночью каждый раз, как он засыпал, его одолевали странные и жуткие сновидения:

какие-то призраки, ухмыляясь исподтишка, силились напялить на себя обличье прекрасных женщин, женщины внезапно оборачивались драконами. А когда он пробуждался от этих кошмаров, холодный бледный луч луны светил в окно; с ужасом искал он глазами Ундину, на груди которой уснул. Она лежала рядом с ним и спала, всё такая же чарующе прекрасная. И, запечатлев на её розовых губах неслышный поцелуй, он снова засыпал и снова в ужасе пробуждался. Обдумывая всё это теперь, в ясном сознании, он упрекал себя за то, что мог хоть на мгновенье усомниться в своей прелестной жене. И, не таясь, он повинился перед ней, она же протянула ему свою красивую руку, вздохнула из глубины души, но не промолвила ни слова. Только исполненный бесконечной любви взгляд её глаз, какого он до сих пор не знал за ней, рассеял его сомнения и сказал ему, что Ундина не таит на него зла. Тогда он с лёгким сердцем встал и отправился в общую горницу к другим обитателям хижины. Все трое с озабоченным видом сидели у очага, не решаясь вымолвить слово. Казалось, будто священник молится про себя, чтобы отвратить беду. Но когда они увидели новобрачного таким счастливым и радостным, складки на их челе разгладились,

а старый рыбак стал даже подшучивать над рыцарем, — разумеется, самым благопристойным и чинным образом, так что старуха расплылась в довольной улыбке. Тем временем и Ундина оделась и вошла в горницу. Все хотели было подняться ей навстречу — и замерли в изумлении: такой чужой и вместе с тем такой знакомой показалась им молодая женщина. Первый подошёл к ней священник; в его глазах светилась отеческая нежность, а когда он поднял руку для благословения, красавица новобрачная с благоговейным трепетом опустилась перед ним на колени. В немногих смиренно кротких словах она повинилась за вчерашние глупые речи и взволнованным голосом попросила помолиться за спасение её души. Потом встала, расцеловала своих приёмных родителей и поблагодарила за всё добро, которое она видела от них:

— О, только теперь я чувствую всем сердцем, как много, как бесконечно много вы сделали для меня, мои дорогие!

Она всё ласкала их и не могла оторваться, но, заметив, что хозяйка поглядывает в сторону очага, пошла за ней и занялась стряпнёй, затем накрыла на стол, не позволив старушке ни к чему прикоснуться.

Такой она оставалась весь день: тихой, приветливой и внимательной, доброй хозяюшкой и вместе с тем нежным, стыдливо целомудренным созданием. Трое из присутствующих, дольше знавшие её, ежеминутно ждали какой-нибудь выходки, неожиданной смены её капризного нрава. Но тщетно: Ундина была по-прежнему ангельски кротка и нежна. Священник глаз не мог от неё отвести и несколько раз говорил жениху:

— Господин рыцарь, небесная благостыня низошла на вас, вручив вам вчера через меня, недостойного, истинное сокровище; берегите его как зеницу ока, и оно принесёт вам блаженство земное и вечное.

Перед вечером Ундина со смиренной нежностью взяла рыцаря под руку и тихонько увлекла его из хижины туда, где заходящее солнце озаряло свежую траву и высокие стройные стволы деревьев. Глаза молодой женщины были затуманены грустью и нежностью, на губах бродила загадочная тревога, которая порою проливалась в еле слышных вздохах.

Молча вела она своего любимого всё дальше, отвечая на все его речи только взглядами, которые, правда, ничего не могли объяснить ему, но заключали в себе целое небо любви и робкой пре-

данности. Так дошли они до берега разлившегося лесного ручья, и рыцарь с изумлением увидел, что он течёт тихой струйкой и ни следа нет от былого неистовства.

— К завтрему он почти совсем иссякнет, — сказала молодая женщина, с трудом сдерживая рыданья, — и ты сможешь без помехи отправиться, куда захочешь.

— Но только с тобой, Ундина, милая, — ответил, смеясь, рыцарь. — Подумай, ведь если б мне и впрямь пришла охота сбежать, церковь и духовенство, император и империя — все всполошились бы и вернули тебе беглеца.

— Всё дело в тебе, только в тебе, — прошептала она, улыбнувшись сквозь слёзы. — И всё же я думаю, ты не оставишь меня; уж слишком сильно я люблю тебя. Перенеси меня на островок, что перед нами. Там-то мы всё и решим. Я могла бы и сама легко проскользнуть туда по воде, но в твоих руках мне так хорошо и покойно, а если ты всё же оттолкнёшь меня, то хоть напоследок я побыла в твоих объятиях.

Хульдбранда охватило чувство необъяснимой тревоги, смешанной с умилением, он не знал, что ответить. Взяв её на руки, он перенёс её на островок и только тут заметил, что это — тот самый,

откуда в ту первую ночь он отнёс её к рыбаку. Здесь он опустил свою драгоценную ношу на траву и хотел уже присесть рядом с ней, но она остановила его словами:

— Нет, сядь туда, напротив меня! Я хочу прочесть ответ в твоих глазах раньше, чем его произнесут губы! Выслушай же внимательно, что я расскажу тебе! — И она начала так: — Знай же, мой любимый, что стихии населены существами, по виду почти такими же, как вы, но только редко-редко они показываются вам на глаза. В огне искрятся и пляшут диковинные саламандры, в недрах земли копошатся тощие, коварные гномы, в лесах шныряют лесовики: их царство — воздух, а в озёрах, реках, ручьях обитает обширное племя водяных духов. Как дивно живётся им под звенящими хрустальными сводами, сквозь которые просвечивает небо, солнце и звёзды! Стройные коралловые деревья с красными и синими плодами растут в садах; ноги мягко ступают по чистому морскому песку и по красивым ракушкам, и всё прекрасное, чем владел старый мир и чем новый недостоин насладиться, всё это укрыли волны таинственным серебристым покрывалом; в глуби вод высятся гордые величественные столпы, окроплённые живительной влагой, а под её

ласками пышно распускаются цветущий мох и гроздья камыша. Те, кто там обитает, прекрасны и пленительны, прекраснее, чем люди. Немало рыбаков заслушивались сладостным пением русалок, поднявшихся из глуби волн, и разнесли по свету молву об их красе; эти дивные жёны зовутся у людей ундинами. И ты, мой друг, действительно видишь перед собой ундину.

Рыцарь пытался убедить себя, что на его красавицу жену вновь напала одна из её диковинных причуд и ей просто охота подразнить его затейливо сплетёнными сказками. Но сколько бы он ни твердил это, он ни на мгновенье не мог поверить себе; странная дрожь пронизала его; не в силах вымолвить слово, он не сводил глаз с прекрасной рассказчицы. Она грустно покачала головой, вздохнула и продолжала:

— Мы были бы гораздо лучше вас, прочих людей, — ибо мы тоже зовём себя людьми, да ведь мы и в самом деле люди по облику и сложению, — но в одном мы хуже вас. Мы и подобные нам порождения других стихий бесследно рассыпаемся в прах духом и телом, и, меж тем как вы когда-нибудь воскреснете для новой, более чистой жизни, мы останемся там, где остаются песок, и искра, и ветер, и волны. Потому-то и нет

у нас души, стихия движет нами, нередко она покорствует нам, пока мы живём, и развеивает нас, когда мы умрём, и мы веселы и беззаботны, как соловьи и золотые рыбки и прочие дети природы. Однако всё на свете стремится ввысь, жаждет подняться на более высокую ступень. Вот и мой отец, могущественный властитель Средиземного моря, пожелал, чтобы его единственная дочь обрела душу, даже если ей придётся заплатить за это страданиями, какие терпят люди, наделённые душой. Но обрести душу мы, порождённые стихией, можем, только слившись в сокровенном таинстве любви с кем-либо из вашего племени. Ну вот — теперь у меня есть душа, я обязана ею тебе, мой несказанно любимый, и от тебя зависит сделать меня на всю жизнь счастливой или несчастной. Ибо что станется со мной, если ты в испуге отшатнёшься или отвергнешь меня? Но я не хочу удерживать тебя обманом. И если ты меня отвергнешь, то сделай это сразу, сейчас, вернись на тот берег один. Я нырну в этот ручей — ведь это мой дядя, он живёт здесь в лесу чудаком-отшельником, вдали от всех своих друзей. Но он могуществен, и многие великие реки чтут и любят его. И так же, как он принёс меня, весёлое и беззаботное дитя, в семью рыбака, так же и

унесёт он меня к моим родителям — женщину с любящей, страдающей душой.

Она хотела продолжать, но Хульдбранд, охваченный волнением и любовью, обнял её и перенёс обратно на берег. И только здесь, обливаясь слезами и целуя её, он поклялся никогда не покидать свою прелестную жену и твердил, что он счастливее, чем греческий ваятель Пигмалион, которому госпожа Венера оживила его мраморную статую, превратив её в прекрасную возлюбленную. Доверчиво опершись на его руку, Ундина вернулась в хижину и только сейчас всем сердцем почувствовала, как мало значат для неё покинутые ею хрустальные дворцы её могущественного отца.



Глава девятая
О том, как рыцарь увёз с собой молодую жену



Когда на следующее утро Хульдбранд проснулся, его прекрасной подруги уже не было рядом с ним; и вновь ему пришла на ум неотвязная

мысль, что весь его брак и сама прелестная Ундина — всего лишь мираж и мимолётная игра воображения. Но тут она сама вошла в горницу, поцеловала его и, присев на постель, молвила:

— Я выходила так рано поглядеть, сдержал ли дядя слово. Все потоки и ручьи уже вернулись в старое русло, и сам он, как и прежде, уединённо и задумчиво струит сквозь лес свои воды. Его друзья в воздухе и в воде тоже утихомирились, всё в этих краях успокоилось, пошло своим чередом, и ты можешь посуху вернуться домой, когда захочешь.

Хульдбранду вновь показалось, что он грезит наяву, — так трудно ему было свыкнуться с мыслью о диковинной родне своей жены. Однако он и виду не подал, а невыразимая прелесть молодой женщины вскоре успокоила все недобрые его предчувствия. Когда короткое время спустя он стоял с ней у входа в дом, озирая зеленеющую косу с её чётко обозначенными водой границами, ему стало вдруг так хорошо в этой колыбели его любви, что у него вырвалось:

— А зачем нам уезжать сегодня? Едва ли в том большом мире нас ждут более радостные дни, чем те, что провели мы здесь, в этом укромном, защищённом тайнике. Давай же проводим здесь

ещё дважды, трижды закат солнца.

— Как повелит мой господин, — с ласковой покорностью отвечала Ундина. — Вот только старики — им и так будет больно расставаться со мной, а тут, когда они почувствуют во мне преданную душу, почувствуют, как искренне я научилась теперь любить и чтить их, они, пожалуй, все глаза себе выплачут с горя. Сейчас ещё моя кротость и благонравие для них — всё равно что гладь озера, пока недвижен воздух, — ведь так оно со мной всегда бывало. И какое-нибудь деревце или цветок они полюбят так же легко, как полюбили меня. Что будет, если они узна́ют это новое, обретённое мной любящее сердце в ту самую минуту, когда должны будут навеки утратить его на этой земле? А смогу ли я утаить его от них, если мы останемся здесь?

Хульдбранд не мог не согласиться с ней; он отправился к старикам и сообщил, что они уезжают в сей же час. Священник вызвался сопровождать молодую чету, вместе с рыцарем они помогли Ундине сесть на коня и, не мешкая долее, двинулись в сторону леса по высохшему руслу лесного ручья. Ундина беззвучно, но горько плакала, старики провожали её громкими причитаниями. Казалось, они только сейчас начали понимать,

что́ они теряют в лице своей приёмной дочери.

В молчании три путника вступили под густую тень леса. Красивое это было зрелище: на фоне зелёной листвы — прекрасная женщина на чистокровном, нарядно убранном коне, а по бокам её чинно шествовали почтенный пастырь в белом орденском одеянии и цветущий молодой рыцарь в яркой одежде, опоясанный сверкающим мечом. Хульдбранд не сводил глаз со своей красавицы жены, Ундина, отерев слёзы, не сводила глаз с него, и вскоре между ними завязалась безмолвная, беззвучная беседа, в которой говорят только взгляды и знаки. И лишь немного погодя они очнулись, внезапно услыхав негромкий разговор священника с четвёртым спутником, который успел незаметно присоединиться к ним. На нём было длинное белое одеяние, почти такое же, как облачение священника, только на лицо был низко надвинут капюшон, и всё это струилось и развевалось широкими складками, так что ему ежеминутно приходилось подбирать полы одежды и перекидывать их через руку или как-либо иначе управляться с ними; впрочем, это ничуть не стесняло его при ходьбе. Молодые заметили его как раз в ту минуту, когда он говорил:

— Вот так-то и живу я здесь в лесу, почтенный

отец, уже много лет, хотя меня и не назовёшь отшельником в вашем смысле слова. Ибо, как сказано, покаяния я не творю, да и не больно в нём нуждаюсь. Я потому только и люблю так лес, что уж очень занятно и красиво выглядит, когда я в своём развевающемся белом платье пробиваюсь сквозь тёмную листву, а нежный луч солнца нет-нет да и скользнёт по мне и засверкает…

— Вы весьма удивительный человек, — заметил священник, — и мне хотелось бы побольше узнать о вас.

— Ну а вы-то сами кто такой, если уж на то пошло? — спросил незнакомец.

— Меня зовут патер Хайльман, — молвил священник, — из обители Святой Марии, что за озером.

— Так, так, — ответил незнакомец, — а меня зовут Кюлеборн, ну а если соблюдать учтивость, то следовало бы величать меня господин фон Кюлеборн, а не то, пожалуй, и владетельный барон фон Кюлеборн, ибо я владею всем в этом лесу, а может быть, и за его пределами. Вот, к примеру, я сейчас скажу кое-что этой молодой госпоже.

В мгновенье ока он очутился по другую руку священника, совсем рядом с Ундиной, и, вытянувшись во весь рост, шепнул ей что-то на ухо.

Она испуганно отшатнулась со словами:

— Мне не о чем больше с вами говорить.

— Ого-го, — засмеялся незнакомец, — видно, шибко знатным оказался муженёк, коль ты своих родных и признавать не хочешь? Забыла, что ли, своего дядюшку Кюлеборна, который на собственной спине принёс тебя сюда?

— Но я прошу вас, — возразила Ундина, — больше не показываться мне на глаза. Теперь я боюсь вас; что, если мой муж станет сторониться меня, увидев меня в таком странном обществе, и узнает о такой родне?

— Милейшая племянница, — промолвил Кюлеборн, — прошу не забывать, что здесь я служу вам провожатым; а не то, глядите, как бы духи земли и всякая прочая нечисть не выкинули бы с вами какой-нибудь дурацкой штуки. А посему дозвольте уж сопровождать вас; кстати, этот старый священник, как видно, лучше вас запомнил меня — он только что уверял, что моё лицо кажется ему очень знакомым и что чуть ли я не был с ним в лодке, когда он упал в воду. Ну, разумеется, это и был я, — точнее, та самая волна, которая смыла его за борт и пригнала потом к берегу — прямёхонько к тебе на свадьбу.


ARTHUR RACKHAM. 1909.

В мгновенье ока старик очутился рядом с Ундиной

Ундина и рыцарь взглянули на патера Хайльмана; он брёл как во сне и не слышал ни слова из этого разговора. Тогда Ундина сказала Кюлеборну:

— Вот уже виден край леса. Ваша помощь нам больше не нужна, нас ничто не страшит, кроме вас. Добром прошу вас, сгиньте, отпустите нас с миром!

Кюлеборну явно пришлись эти слова не по вкусу, он скорчил отвратительную гримасу, оскалив зубы в злобной ухмылке, так что Ундина громко вскрикнула и позвала на помощь своего любимого. В мгновенье ока рыцарь очутился с другой стороны коня и занёс острый клинок над головой Кюлеборна. Но удар пришёлся по пенистой струе водопада, низвергавшегося рядом с ними с высокой скалы; с шипеньем и плеском, напоминавшим смех, он обдал их с головы до ног, так что на них места сухого не осталось. Священник промолвил, словно бы очнувшись от сна:

— Так я и думал, ведь ручей тёк всё время рядом с нами. А поначалу мне было почудилось, будто это человек и умеет говорить.

А водопад совершенно внятно прожурчал на

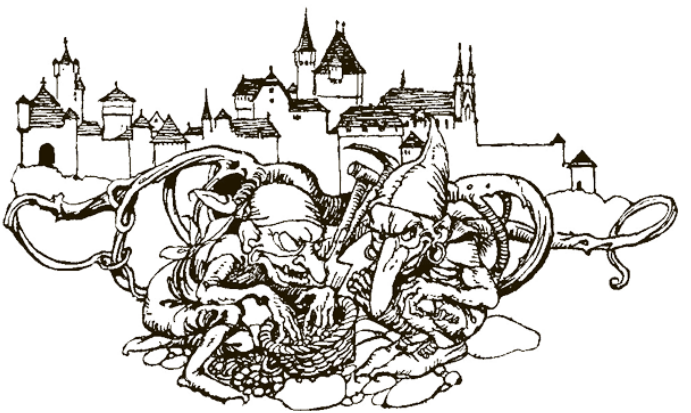
ухо Хульдбранду:

Смелый рыцарь,
Сильный рыцарь,
Я не сержусь,
Я не гневлюсь,
Только будь верный защитник жене,
Иначе вспомнишь ты обо мне!

Через несколько шагов они вышли на опушку леса. Перед ними, сверкая в вечерних лучах, широко раскинулся вольный имперский город, а солнце, золотившее его башни, заботливо обсушило промокшие одежды путников.



Глава десятая
О том, как они жили в имперском городе



Внезапное исчезновение рыцаря Хульдбранда фон Рингштеттена вызвало в имперском городе всеобщую тревогу и сожаление, ибо все успели полюбить его за ловкость на турнире и изящество на балу, за щедрость и приветливый нрав. Его слуги не хотели покидать город без своего господина, однако никто из них не отваживался

последовать за ним в зловещий сумрак страшного леса. Итак, они продолжали жить на постоялом дворе, в праздном ожидании, как это водится у такого рода людей, и своими сетованиями пытались оживить память о пропавшем рыцаре. Когда же затем вскоре разыгралась непогода и начался паводок, никто уже не сомневался в верной гибели прекрасного чужеземца. Бертальда открыто выказывала своё горе, проклиная себя за то, что толкнула его на злополучную поездку в лес. Герцог с супругой, её приёмные родители, приехали, чтобы увезти её с собой, но Бертальда уговорила их остаться с ней, пока не станет доподлинно известно — жив Хульдбранд или мёртв. Многих молодых рыцарей, усердно домогавшихся её милостей, она пыталась подвигнуть на розыски благородного искателя приключений. Но обещать в награду свою руку она не решалась, — должно быть, всё ещё надеялась, что он вернётся и она будет принадлежать ему, а за какую-нибудь перчатку с её руки или ленту никто не спешил ставить на карту жизнь, чтобы воротить столь опасного соперника.

И вот теперь, когда Хульдбранд так неожиданно и внезапно вернулся, слуги, горожане и все кругом ликовали — все, кроме Бертальды: ибо

если всем пришлось по душе, что он привёз с собою такую красавицу жену и патера Хайльмана как свидетеля венчания, то Бертальде не оставалось ничего другого, как сокрушаться об этом. Во-первых, она действительно успела всем сердцем полюбить молодого рыцаря, а кроме того, её скорбь во время его отсутствия открыла людским взорам гораздо больше, нежели это подобало. Вот почему она повела себя, как следовало умной женщине, примирилась с обстоятельствами и самым дружеским образом обходилась с Ундиной, которую все в городе приняли за принцессу, избавленную Хульдбрандом в лесу от злых чар. Когда её самоё или её супруга спрашивали об этом, они отмалчивались или отвечали уклончиво; уста патера Хайльмана были плотно замкнуты для всякой суетной болтовни, к тому же вскоре по прибытии в имперский город он отправился в свой монастырь, так что людям приходилось пробавляться собственными измышлениями, и даже Бертальда знала не больше других.


Arthur Rackham '09

Бертальда успела всем сердцем полюбить молодого рыцаря

Ундина же с каждым днём всё более привязывалась к Бертальде.

— Наверное, мы когда-то раньше знали друг друга, — частенько говорила она, — или между нами существует какая-то иная, чудесная связь, ведь так вот просто, безо всякой причины, поймите меня, без какой-то тайной причины, нельзя сразу полюбить человека с первого взгляда, как я полюбила вас.

Да и Бертальда не могла не сознаться себе, что чувствует к Ундине дружескую склонность, хотя и полагала, что имеет веские причины горько упрекать свою счастливую соперницу. Это взаимное их влечение побудило одну упросить своих родителей отложить день отъезда, а другую — умолить о том же супруга. Более того, уже шла речь о том, что Бертальда на некоторое время отправится с Ундиной в замок Рингштеттен у истоков Дуная.

Как раз об этом и беседовали они однажды вечером, гуляя при свете звёзд по городской рыночной площади, окаймлённой высокими деревьями. Молодая чета поздно вечером зашла за Бертальдой, и все трое дружески прогуливались

под тёмно-синим небосводом, прерывая свои речи восторгами по поводу великолепного фонтана, неумолчно журчавшего и звеневшего посреди площади. И на душе у них было так хорошо и отрадно, сквозь тень деревьев мелькали огоньки ближних домов, вокруг них плыл неясный гул от голосов играющих детей и неторопливых шагов прохожих; они были одни и в то же время в самой гуще жизнерадостного, приветливого мира. То, что днём казалось трудным, как бы само собой сглаживалось, и трое друзей уже не могли понять, почему поездка Бертальды с ними могла вызвать хоть малейшее сомнение. И тут, как раз когда они собирались назначить день совместного отъезда, от самой середины площади прямо к ним направился какой-то высокий человек; он почтительно поклонился всей компании и что-то шепнул на ухо молодой женщине. Недовольная помехой и тем, кто им помешал, она отошла с незнакомцем на несколько шагов, и оба начали шептаться словно бы на каком-то чужом языке. Хульдбранду показался знакомым этот странный человек, и он стал так пристально всматриваться в него, что не слышал изумлённых вопросов Бертальды и не отвечал на них. Внезапно Ундина радостно захлопала в ладоши и со смехом покинула незна-

комца, который, недовольно покачивая головой, поспешными шагами пошёл прочь и спустился в колодец. Тут Хульдбранд окончательно уверился в своей догадке. Бертальда же спросила:

— Что ему было нужно от тебя, Ундина? Ведь это человек, который чистит колодцы, не так ли?

Молодая женщина усмехнулась про себя и ответила:

— Послезавтра, в день твоего ангела, всё узнаешь, милое дитя моё!

И ничего больше нельзя было от неё добиться. Она пригласила Бертальду вместе с её приёмными родителями в названный день к обеду, и вскоре они разошлись.

— Кюлеборн? — с тайным содроганием спросил Хульдбранд у своей прекрасной супруги, когда, простившись с Бертальдой, они шли домой одни по тёмным улицам.

— Да, это был он, — ответила Ундина, — и он пытался наговорить мне бог знает каких глупостей. Но среди прочих вещей он, сам того не зная, порадовал меня долгожданной вестью. Если ты хочешь узнать её сейчас же, мой повелитель и супруг, тебе стоит только приказать, и я всё тебе расскажу. Но если ты хочешь доставить своей Ундине большую, очень большую радость, отло-

жи расспросы до послезавтра, и тогда тебя тоже ждёт сюрприз.

Рыцарь охотно согласился исполнить то, о чём так мило просила его жена, и, уже засыпая, она прошептала про себя с улыбкой:

— Как же она обрадуется и удивится вести от человека, что чистит колодцы, эта милая, милая Бертальда!

Глава одиннадцатая
Именины Бертальды



Всё общество сидело за столом, Бертальда во главе его, убранная, как богиня весны, цветами и драгоценностями — подарками приёмных родителей и друзей. По обе стороны её сидели Хульдбранд и Ундина. Когда обильная трапеза близилась к концу и подали десерт, двери по

доброму старому немецкому обычаю растворили, чтобы и простой народ мог полюбоваться господским праздником и порадоваться ему. Слуги разносили среди зрителей вино и сласти. Хульдбранд и Бертальда с тайным нетерпением ждали обещанного объяснения и не сводили глаз с Ундины. Но она всё ещё молчала и только украдкой счастливо улыбалась. Тот, кто знал о её обещании, мог заметить, что она ежеминутно готова была выдать свой секрет и всё же откладывала это, наслаждаясь отсрочкой, как порою делают дети с любимым лакомством. Бертальда и Хульдбранд разделяли с ней это блаженное чувство, с робкой надеждой ожидая нового счастья, которое должно было слететь к ним с её губ. Тут гости стали просить Ундину спеть. Она, казалось, обрадовалась этой просьбе, велела принести лютню и запела:

Утро так ясно,
Ярки цветы,
Пышны душистые травы
Над озера шумного брегом!
Что это в травах
Блещет светло?
Цвет ли чудесный ниспослан вдруг

Небом на этот счастливый луг?
Это малое дитя
Забавляется цветами
В золотом зари сиянье.
Ах, откуда ты? Откуда?
От неведомых прибрежий
Принесла тебя волна.
Малютка, тянешь ручки тщетно,
Ничьей руки не встретишь ты,
Лишь равнодушно, безответно
Вокруг колышутся цветы.
Ничто их в мире не тревожит,
Удел цветов – благоухать,
И блеск их заменить не сможет
Тебе заботливую мать.
Всего лишившись без возврата,
Что лучшего есть в жизни сей,
Дитя, не ведаешь утраты
Душой младенческой своей.
Вот славный герцог скачет в поле,
Вот он склонился над тобой;
Тебя взрастить для славной доли

Берёт в свой замок родовой.
Пускай ты в роскоши и в неге
Росла, пусть блещешь красотой,
Осталось счастие на бреге,
Увы, незнаемом тобой.

Ундина с грустной улыбкой опустила лютню; у герцога и его супруги слёзы стояли в глазах.

— Вот так всё и было в то утро, когда я нашёл тебя, бедная милая сиротка, — промолвил с глубоким волнением герцог, — прекрасная певунья права: главного, лучшего мы так и не смогли дать тебе.

— Но теперь послушаем, что же сталось с несчастными родителями, — сказала Ундина, коснулась струн и запела:

Распахнувши двери комнат,
Всё перевернув вверх дном,
Мать уже себя не помнит,
Вновь пустой обходит дом.

Дом пустой! Нет слов больнее
Для того, кто в том дому
Пел, дитя своё лелея,
Колыбельную ему.

Зелены всё так же буки.
Светел так же солнца свет,
Ищет мать, ломая руки,
Да напрасно: дочки нет,

Веет вечера прохлада,
Вот отец домой спешит,
Но душа его не рада,
Но из глаз слеза бежит.

И в дому его объемлет
Холод смертной тишины,
Он не смех дитяти внемлет,
А рыдания жены.

— О боже! Ундина! Где мои родители? — плача, воскликнула Бертальда. — Ты знаешь, ты, конечно, знаешь, ты узнала это, удивительное создание, иначе так не терзала бы мне сердце. Быть может, они уже здесь? Неужели это так?

Её глаза обежали всё блестящее общество и остановились на владетельной даме, сидевшей рядом с её приёмным отцом. Тогда Ундина оглянулась на дверь, и из глаз её брызнули слёзы умиления.

— Где же бедные, заждавшиеся родители? —

спросила она, и тут из толпы выступил старый рыбак с женой. Они вопросительно глядели то на Ундину, то на знатную красавицу, которая, как им сказали, была их дочерью.

— Это она! — пролепетала сияющая от восторга Ундина.

Старики, громко плача и славя Господа, бросились обнимать своё вновь обретённое дитя.

В гневе и ужасе Бертальда вырвалась из их объятий. Это было уж слишком для её гордой души, такое открытие в ту самую минуту, когда она твёрдо надеялась вознестись ещё выше и уже видела над своей головой корону и царственный балдахин. Ей подумалось, что всё это измыслила её соперница, чтобы с особой изощрённостью унизить её перед Хульдбрандом и всем светом. Она набросилась на Ундину с упрёками, а на стариков — с бранью; злобные слова «обманщица» и «продажный сброд» сорвались с её губ. Тут старая рыбачка произнесла про себя совсем тихо:

— Ах, господи, какой злой женщиной она выросла, а всё же чует сердце, что это моя плоть и кровь.

Старик же, сложив руки, молча молился о том, чтобы эта, вон там, не оказалась его дочерью. Ундина, смертельно бледная, металась от стариков

к Бертальде, от Бертальды к старикам; внезапно её словно низвергнули с небес, что грезились ей в мечтах, в пучину ужаса и страха, какая ей и во сне не снилась.

— Да есть ли у тебя душа? Есть ли у тебя на самом деле душа, Бертальда? — выкрикнула она в лицо разгневанной подруге, словно для того, чтобы привести её в чувство после внезапного приступа безумия или умопомрачающего кошмара. Но когда она увидела, что исступление Бертальды всё растёт, когда отвергнутые родители в голос зарыдали, а всё общество, споря и негодуя, разбилось на партии, она с таким сдержанным достоинством испросила позволения взять слово здесь, в доме своего супруга, что все вокруг смолкли, как по мановению волшебства. Она встала во главе стола, где раньше сидела Бертальда, смиренная и вместе с тем гордая под взглядами окружающих, и обратилась к ним со следующими словами:

— О люди, глядящие на меня с такой злобой и растерянностью, вы, так жестоко разрушившие мне праздник! О боже, я ведь даже понятия не имела о ваших нелепых обычаях, о вашем бесчеловечном образе мыслей и, должно быть, до конца своих дней не смогу с ними смириться. Не

моя вина, что я взялась за всё это не с того конца, поверьте, дело только в вас, хоть вы и не желаете этого понять. Поэтому мне почти нечего сказать вам, но одно я сказать должна: я не солгала — в этом даю слово. Я не могу и не хочу приводить никаких доказательств, но слово своё я готова подтвердить клятвой. Мне сказал об этом тот, кто заманил Бертальду в воду, унёс её прочь от родителей и потом положил на пути герцога на зелёную лужайку.

— Она колдунья, — крикнула Бертальда, — ведьма, она водится со злыми духами. Она сама призналась в этом!

— Нет! — сказала Ундина, и во взгляде её отразилось целое небо невинности и искренности. — Никакая я не ведьма, взгляните на меня сами!

— Ну, тогда она обманщица и хвастунья, — перебила её Бертальда, — не смеет она утверждать, что я дочь этих простых людей. Мои светлейшие родители, прошу вас, уведите меня из этого общества, увезите меня из этого города, где все только и норовят высмеять и опозорить меня.

Но старый герцог не двинулся с места, а супруга его сказала:

— Мы должны знать, как всё обстоит на самом

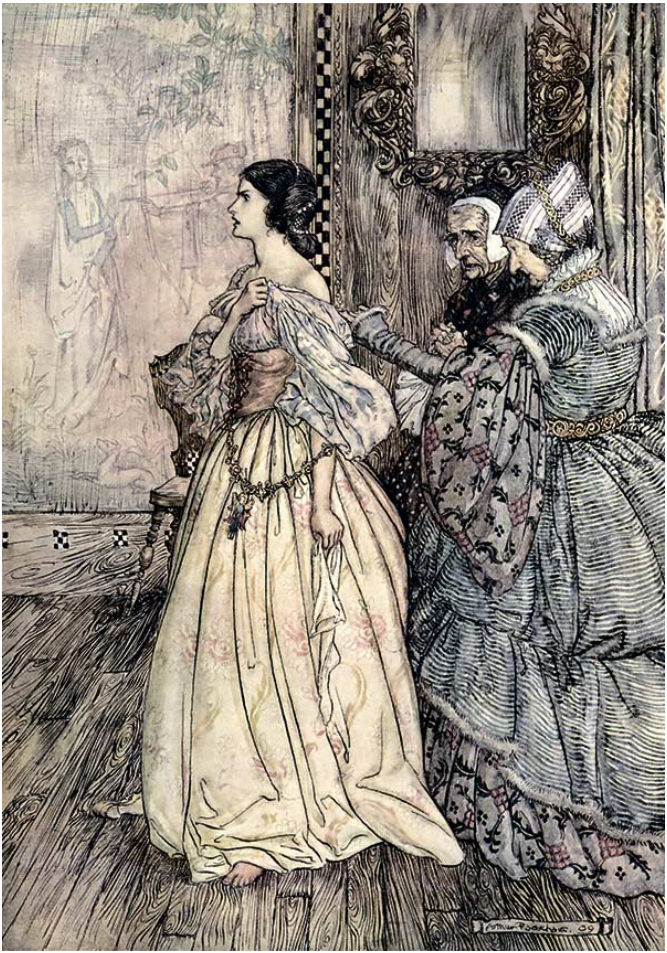
деле. И боже меня сохрани сделать хоть шаг из этой залы, прежде чем мы не узнаем всю правду.

Тут старая рыбачка приблизилась к герцогине, низко поклонилась ей и молвила:

— Вы сняли у меня камень с души, высокая, благочестивая госпожа! Вот что я вам скажу: если эта сердитая барышня — моя дочь, у неё на спине между лопатками должно быть родимое пятно в виде фиалочки и такое же на левой ступне. Может быть, она благоволит выйти со мной из залы.

— Не стану я раздеваться перед мужичкой! — надменно воскликнула Бертальда, повернувшись к ней спиной.

— А передо мной придётся, — строго возразила герцогиня. — Вы последуете за мной, сударыня, в соседнюю комнату, и эта славная старушка пойдёт с нами.



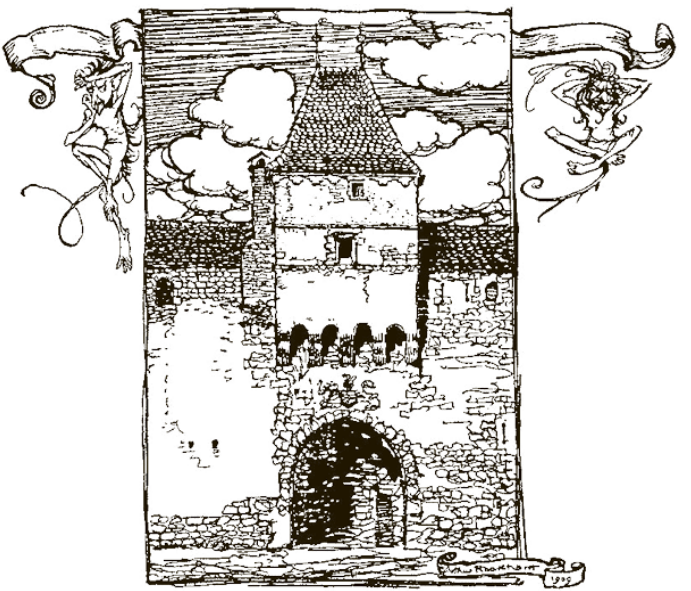
Девушка надменно отвернулась от старухи рыбачки

Они скрылись втроём, а все прочие остались в зале в молчаливом ожидании. Вскоре женщины вернулись, лицо Бертальды было мертвенно-бледным, а герцогиня сказала:

— Право остаётся правом; посему объявляю, что хозяйка этого дома сказала правду. Бертальда — дочь рыбака, и это всё, что вам надлежит знать.

Герцогская чета удалилась со своей приёмной дочерью; рыбак и его жена по знаку герцога последовали за ними. Остальные гости разошлись в молчании или тихо перешёптывались, а Ундина с рыданиями упала в объятия Хульдбранда.

Глава двенадцатая
О том, как они покинули имперский город



Господин фон Рингштеттен, по правде сказать, предпочёл бы, чтобы в этот день всё сложилось

по-иному; но и так, как оно вышло на самом деле, было не столь уж неприятно ему — ведь его прелестная жена показала себя такой доброй, сердечной и незлобивой.

— Если я и дал ей душу, — говорил он себе, — то она оказалась лучше, чем моя собственная.

И с этой минуты он думал уже только об одном: как утешить плачущую Ундину и на следующий же день покинуть место, которое после сегодняшнего происшествия должно было ей опостылеть. Правда, суждения о ней были единодушны. От неё и раньше привыкли ждать всяких чудес, поэтому удивительное открытие относительно происхождения Бертальды не так уж поразило всех, и всеобщее неодобрение обратилось именно против последней и её необузданной выходки. Но обо всём этом рыцарь и его жена ничего не знали. К тому же и то и другое больно задело бы Ундину, а посему лучше всего было поскорее оставить позади старые городские стены.

С первыми лучами солнца у ворот гостиницы остановилась нарядная карета для Ундины; кони Хульдбранда и его оруженосцев уже били в нетерпении копытом. Рыцарь вывел из дверей свою красавицу жену; тут дорогу им заступила молоденькая рыбачка.

— Нам нет нужды в твоём товаре, — сказал ей Хульдбранд, — мы уезжаем.

Рыбачка горько заплакала, и тут только супруги узнали в ней Бертальду. Они тотчас же вернулись с ней в дом и услыхали от неё, что герцог и герцогиня так были разгневаны её вчерашней чёрствостью и резкостью, что отказали ей в своём покровительстве, оделив её, правда, богатым приданым. Рыбак тоже был ими щедро одарён и вчера же вечером отправился с женой восвояси.

— Я хотела пойти с ними, — продолжала она, — но старый рыбак, которого считают моим отцом…

— Он и есть твой отец, Бертальда, — перебила её Ундина. — Человек, который, как ты думала, чистил колодец, всё подробно рассказал мне. Он убеждал меня не брать тебя с собой в замок Рингштеттен и тут-то и проговорился об этой тайне.

— Ну хорошо, — сказала Бертальда, — мой отец — пусть так — мой отец сказал: «Я не возьму тебя с собой, пока ты не изменишь свой нрав. Ты должна прийти к нам одна через заколдованный лес; только этим ты докажешь, значим мы что-нибудь для тебя или нет. Но не приходи к нам знатной дамой, приходи простой рыбачкой!» Вот я и собираюсь поступить так, как он сказал; ведь

все от меня отвернулись, и я теперь окончу свои дни бедной дочерью рыбака, в глуши у нищих родителей. А леса я и правда боюсь. Там, говорят, водится всякая мерзкая нечисть, а я так пуглива. Но что толку? Сюда я пришла только затем, чтобы попросить прощения у благородной госпожи фон Рингштеттен за своё вчерашнее непозволительное поведение. Я чувствую, прекрасная дама, у вас были добрые намерения, но вы не знали, как больно вы меня раните, и тогда у меня от испуга и неожиданности вырвались те дерзкие и безрассудные слова. О, простите, простите меня! Я ведь и без того уже несчастна! Подумайте сами, кем я была ещё вчера поутру, в начале вашего пиршества, и что́ я сегодня!

Её слова потонули в потоке хлынувших слёз, и, так же горько плача, Ундина кинулась ей на шею. Прошло немало времени, пока растроганная молодая женщина смогла вымолвить слово; и первым её словом было:

— Ты поедешь с нами в Рингштеттен! Всё останется по-прежнему, только говори мне снова «ты» и не называй меня дамой и благородной госпожой! Подумай, ведь детьми нас обменяли; уже тогда судьбы наши переплелись, и мы сплетём их впредь так тесно, что никакая человеческая сила

не разлучит нас. Едем в Рингштеттен! А там уж рассудим, как нам поделить всё по-сестрински!

Бертальда бросила исподлобья робкий взгляд на Хульдбранда. Ему стало жаль эту красивую девушку, которая оказалась теперь в таком бедственном положении; он предложил ей руку и ласково стал убеждать довериться ему и его жене.

— Вашим родителям мы дадим знать, почему вы не пришли, — сказал он и многое ещё хотел добавить по поводу славных стариков, но, увидев, что Бертальда при этом упоминании болезненно вздрогнула, умолк. Вместо этого он взял её под руку, усадил первой в карету, Ундину вслед за ней, а сам рысью поехал рядом, так бойко подгоняя возницу, что вскоре они оказались за чертой имперского города, оставив позади все тягостные воспоминания. И вот уже обе женщины с удовольствием любовались живописной местностью, по которой катилась карета.

Через несколько дней, уже к вечеру, они прибыли в замок Рингштеттен. Управителю и слугам было что порассказать молодому хозяину, так что Ундина с Бертальдой остались наедине. Они прогуливались по высокому крепостному валу и любовались лучезарной панорамой благословен-

ной Швабии, раскинувшейся перед их взорами.

Тут к ним с учтивым поклоном приблизился высокий человек, и Бертальде показалось, что это тот самый колодезных дел мастер из имперского города. Сходство это выступило особенно ясно, когда Ундина сделала ему недовольный, почти угрожающий знак удалиться и он торопливым шагом пошёл прочь, покачивая головой, — совсем как тогда, — и исчез в ближнем кустарнике.

Ундина же молвила:

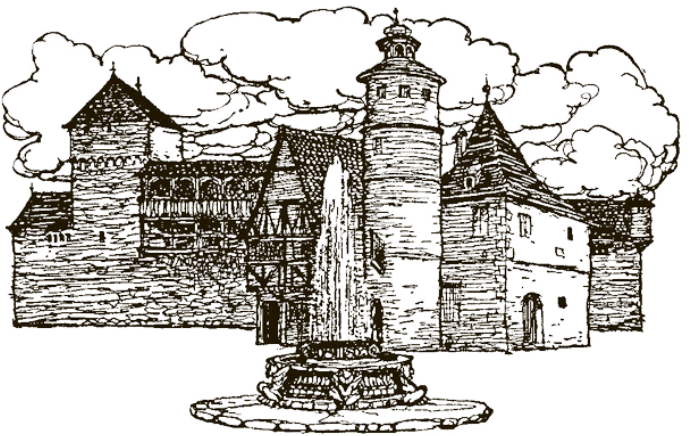
— Не бойся, милая Бертальда, на этот раз злой мастер не сделает тебе ничего дурного.

И она рассказала ей подробно всю историю, и кто она сама, и как старики потеряли Бертальду, и как там появилась Ундина. Вначале Бертальда пришла в ужас от этих речей; она решила, что на её подругу напало безумие. Но мало-помалу она убедилась, что всё это — правда, уж слишком связным был рассказ Ундины, слишком совпадал он со всем тем, что произошло, и, что самое главное, за это говорило то внутреннее чувство, в котором неизменно являет нам себя истина. Ей было странно, что, оказывается, и она сама живёт в одной из тех сказок, которые ей до сих пор приходилось только выслушивать. Она не сводила с Ундины благоговейного взгляда, но не

могла избавиться от чувства ужаса, от чего-то жуткого, что вставало между ней и подругой. А за ужином не могла не удивляться тому, что рыцарь выказывает такую влюблённость и ласку существу, которое после всех этих открытий казалось ей скорее призраком, чем человеком.



Глава тринадцатая
О том, как они жили в замке Рингштеттен



Тот, кто записал эту историю, — ибо она взволновала его сердце и он хотел бы, чтобы она и другим запала в душу, — просит тебя, любезный читатель, об одном снисхождении. Не взыщи, если теперь он в нескольких кратких словах коснётся большого промежутка времени и лишь в общих чертах сообщит тебе, что происходи-

ло в замке. Он хорошо знает, что можно было бы весьма искусно, шаг за шагом показать, как Хульдбранд постепенно отвратился сердцем от Ундины и потянулся к Бертальде, как Бертальда всё более отвечала ему пылкой любовью и как оба они стали испытывать к его несчастной супруге не столько сострадание, сколько страх, ибо видели в ней существо иного порядка; как Ундина плакала и слёзы её пробуждали в душе рыцаря угрызения совести, но не пробудили былой любви, и хотя порой он и обходился с ней ласково, но вслед за тем его вновь охватывало какое-то жуткое чувство и гнало прочь от неё навстречу человеческому существу — Бертальде. Если пишущий владеет искусством повествования, всё это можно или нужно было бы описать. Но сердце у него слишком сжимается от боли при мысли обо всём этом, ибо он сам пережил нечто подобное и страшится даже тени этих воспоминаний. Тебе, верно, знакомо подобное чувство, любезный читатель, ибо таков уж удел смертных. И счастье твоё, если при этом ты больше получал, нежели отдавал, ибо в таких обстоятельствах брать доставляет большее блаженство, чем давать. Тогда подобные воспоминания отзовутся в твоей душе лишь сладостной болью и, быть может, по щеке

скатится горячая слеза при мысли об увядших цветах, которые когда-то так радовали тебя. Ну, и довольно об этом — не будем растравлять себе сердце тысячью уколов, а скажем лишь, что всё вышло именно так, как я уже сказал. Бедная Ундина грустила, те двое тоже были не слишком веселы, особенно Бертальда, которая склонна была в любом отступлении от её желаний видеть ревнивые происки оскорблённой хозяйки дома. Поэтому она прочно усвоила властный тон, которому Ундина покорялась с безропотной грустью, а ослеплённый Хульдбранд решительно поддерживал его.

Ещё более расстроили отношения между обитателями замка всякие диковинные штуки, происходившие с Хульдбрандом и Бертальдой в сводчатых переходах, — ни о чём таком раньше никто и не слыхивал. Высокий белый человек, в котором Хульдбранд слишком хорошо узнал дядюшку Кюлеборна, а Бертальда — призрачного колодезных дел мастера, нередко появлялся перед ними, грозя им, особенно Бертальде, так что она несколько раз заболевала от испуга и уже подумывала было, не покинуть ли замок. Но она слишком любила Хульдбранда, к тому же не чувствовала за собой никакой вины, ибо ни

разу между ними дело не дошло до настоящего объяснения. С другой же стороны, она не знала, куда ей податься. Старый рыбак, в ответ на известие господина фон Рингштеттена, что Бертальда находится у него, нацарапал неразборчивым почерком, насколько позволяли ему возраст и непривычка к писанью: «Я теперь бедный старый вдовец, ибо верная дорогая жена моя скончалась. Но как бы одиноко мне ни жилось в своей хижине, пускай уж лучше Бертальда остаётся там, а не здесь у меня. Пусть только не вздумает причинить зло моей милой Ундине, а не то я прокляну её!» Последние слова Бертальда пропустила мимо ушей, но зато хорошо запомнила, что может не возвращаться к отцу, — ведь и все-то мы ведём себя в подобных случаях точно так же.

Однажды, когда Хульдбранд выехал за ворота замка, Ундина собрала слуг и велела прикатить большой камень, чтобы вплотную завалить им великолепный колодец посреди замкового двора. Люди пытались возражать ей, говоря, что им придётся тогда носить воду снизу, из долины. Ундина печально улыбнулась:

— Мне очень жаль, что вам прибавится работы, дети мои, — сказала она. — Я готова была бы сама носить кувшины с водой, но этот колодец надо

замуровать. Поверьте мне на слово, иначе нельзя, этим мы избегнем гораздо большей беды.

Слуги рады были угодить своей кроткой госпоже; без дальнейших расспросов они взялись за огромный камень. Поднятый их руками на воздух, он уже повис над колодцем, как вдруг прибежала Бертальда и крикнула, чтобы они остановились: ей-де носят из этого колодца воду для умывания, а вода эта особенно хороша для её кожи, и она ни за что не допустит, чтобы его замуровали. Однако Ундина с обычной своей мягкостью, но с необычной решительностью настояла на этот раз на своём; она сказала, что ей, хозяйке дома, пристало распоряжаться по хозяйству так, как она сочтёт нужным, и ей не перед кем отчитываться, кроме своего супруга и господина.

— Но глядите же, глядите, — возмущённо и испуганно воскликнула Бертальда, — как эта бедная чистая водица бьёт ключом, извивается в муках и отчаянии, что её скроют от ясного солнышка и приветливых человеческих лиц, которым она служит зеркалом!

И в самом деле, струя воды от подземного родника шипела и плескалась самым удивительным образом: казалось, будто что-то хочет

силой пробиться из-под земли наружу, но Ундина ещё строже потребовала, чтобы её приказание было исполнено. Впрочем, строгость эта была излишней. Замковая челядь столь же охотно повиновалась своей кроткой госпоже, сколь рада была случаю осадить своенравную Бертальду, и как бы та ни бранила их и ни грозила, камень вскоре прочно накрыл отверстие колодца. Ундина задумчиво облокотилась на него и своим тонким пальчиком начертала что-то на его поверхности. Но, должно быть, у неё в руке было что-то острое и едкое, ибо, когда она отошла, а другие приблизились, они увидели вытравленные на камне какие-то диковинные знаки, которых до этого никто на нём не замечал.

Когда вечером рыцарь вернулся, Бертальда встретила его вся в слезах и рассыпалась в жалобах на поведение Ундины. Он бросил на жену суровый взгляд, и бедная женщина удручённо опустила голову, однако, сохранив самообладание, молвила:

— Мой супруг и повелитель не станет ведь бранить своих крепостных, не выслушав их, а уж свою законную супругу и подавно.

— Говори, что побудило тебя совершить этот странный поступок, — с мрачным видом произ-

нёс рыцарь.

— Я бы хотела сказать тебе это наедине, — вздохнула Ундина.

— Ты можешь так же точно сказать это и при Бертальде, — возразил он.

— Хорошо, если ты так велишь, — сказала Ундина, — но не требуй этого! О, прошу тебя, не требуй этого!

Она выглядела такой смиренной, прекрасной и покорной, что в сердце рыцаря мелькнул луч прежней, светлой поры. Он ласково взял её под руку и увёл в свой покой, где она обратилась к нему с такими словами:

— Ты ведь знаешь моего злобного родича Кюлеборна, о возлюбленный повелитель, и часто к неудовольствию своему встречал его в переходах замка. Бертальду он не раз пугал так сильно, что ей случалось занемочь. А всё оттого, что у него нет души, он — порождение стихии, способен отражать лишь внешнюю сторону мира, внутренняя же сущность остаётся ему недоступной. Порой он видит, что ты недоволен мной, а я со своим детским умом плачу из-за этого, Бертальда же, может быть, в то самое время случайно смеётся. Вот он и вообразил себе бог весть что и незваный-непрошеный вмешивается то так, то

этак в нашу жизнь. Что толку, что я браню его за это, сержусь и отсылаю прочь? Он не верит ни одному моему слову. Его скудное бытие не знает, как схожи меж собой страдания и радости любви, как тесно они переплетаются друг с другом, так что их не разделить никакой силой. Из-под слёз проглядывает улыбка, и улыбка отворяет двери слезам.

Улыбаясь и плача, она глядела снизу вверх на Хульдбранда, который вновь ощутил в своём сердце всё очарование прежней любви. Она почувствовала это, теснее прижалась к нему и продолжала сквозь слёзы радости:

— Раз уж словами его было не утихомирить, я вынуждена была запереть перед ним дверь, а его единственная дверь к нам — этот колодец. С духами всех прочих родников, вплоть до самой долины, он рассорился, и лишь дальше вниз по Дунаю, куда влились кое-кто из его друзей, вновь начинается его царство. Потому-то я и велела завалить отверстие колодца камнем и начертала на нём знаки, которые сковывают всю силу не в меру ретивого дяди. Теперь он не станет поперёк дороги ни тебе, ни мне, ни Бертальде. Люди же могут, невзирая на эти знаки, приложив самые обычные усилия, откатить этот камень. Им это

не помешает. Итак, если хочешь, сделай так, как настаивает Бертальда, но поистине она не ведает, о чём просит. Именно в неё прежде всего метил этот мужлан Кюлеборн, а если бы стряслось то, против чего он предостерегал меня и что могло бы случиться без злого умысла с твоей стороны, — ах, милый, и тебе грозила бы опасность!

Хульдбранд почувствовал всем сердцем великодушие своей жены: как старательно она оттесняла своего грозного защитника, да к тому же ещё и навлекла на себя упрёки Бертальды! Он нежно обнял её и молвил с чувством:

— Камень останется на месте, и всё останется навеки так, как ты хочешь, моя милая, родная Ундина!

Она робко ластилась к нему, счастливая, что слышит вновь давно умолкнувшие слова любви, и наконец сказала:

— Любимый друг, раз ты сегодня так добр и ласков со мной, могу ли я осмелиться просить тебя об одной вещи? Видишь ли, ты в чём-то схож с летним днём. В самый разгар своего сияющего великолепия он внезапно обвивает чело сверкающим грозовым венцом и предстаёт в раскатах грома истинным царём и земным божеством. Вот так и ты — очами и устами мечешь молнии и

гром, и это очень тебе к лицу, хоть я и плачу, глупая, порой от этих вспышек гнева. Но никогда не делай этого на воде или хотя бы вблизи какой-нибудь воды. Понимаешь, тогда мои родичи получат власть надо мной. Неумолимые в своей ярости, они вырвут меня из твоих объятий, вообразив, что одной из их рода нанесена обида, и до конца своих дней я буду вынуждена жить там, внизу, в хрустальных дворцах, и не смогу подняться к тебе наверх, а если бы они и послали меня к тебе — о боже! это было бы в тысячу раз хуже! Нет, нет, дорогой мой, если ты хоть немного любишь свою бедную Ундину, ты не допустишь этого!

Он торжественно обещал ей выполнить её просьбу, и супруги вышли из своего покоя влюблённые и счастливые. Тут им повстречалась Бертальда с несколькими работниками, которых она успела кликнуть.

— Ну что, тайные переговоры, как видно, закончены, и камень можно убрать, — сказала она ворчливым тоном, который усвоила себе в последнее время. — Эй, люди, отправляйтесь и беритесь за дело!

Но рыцарь, возмущённый её вызывающим поведением, коротко и строго бросил:

— Камень останется на своём месте.

Вдобавок он стал корить Бертальду за резкое обращение с Ундиной, после чего работники с плохо скрываемой улыбкой удовольствия разошлись по своим делам, Бертальда же, побледнев, поспешила уйти в свою комнату.

Наступило время ужина, а Бертальда всё не появлялась. За ней послали; слуга нашёл её покои пустыми и принёс только запечатанное письмо, предназначенное господину рыцарю. Тот, ошеломлённый, вскрыл его и прочёл: «Я со стыдом чувствую, что я всего лишь бедная рыбачка. Если на мгновение я забыла об этом, то искуплю свою вину в жалкой лачуге моих родителей. Живите счастливо со своей красавицей женой!»

Ундина была искренне опечалена. Она горячо просила Хульдбранда поспешить за исчезнувшей подругой и воротить её. Увы, ей незачем было торопить его. В нём с новой силой вспыхнуло влечение к Бертальде. Он метался по всему замку, расспрашивая, не видел ли кто, куда направилась прекрасная беглянка. Ему ничего не удалось узнать, и он уже сел на коня, чтобы поскакать наудачу по той дороге, по которой привёз сюда Бертальду, когда к нему подошёл один из его оруженосцев и сказал, что видел её на тропе, ведущей в Шварцталь. Рыцарь стрелой промчался

через ворота в указанном направлении, не слушая испуганного возгласа Ундины, кричавшей ему вслед из окна:

— В Шварцталь? О, только не туда, Хульдбранд, только не туда! Или хотя бы возьми с собой меня, бога ради!

Но, видя, что все её мольбы тщетны, она поспешно приказала оседлать своего белого иноходца и поскакала вслед за рыцарем, отказавшись от какого-либо сопровождения.



Глава четырнадцатая
О том, как Бертальда вернулась вместе с рыцарем



Шварцталь, или Чёрная долина, лежала в глубокой впадине, окружённой горами. Как она зовётся теперь, мы не знаем. А в те времена местные жители окрестили её так из-за густого сумрака, в котором она тонула, заслонённая от солнечного света высокими деревьями, по большей части елями. От этого даже родник, струившийся между скал, казался совсем чёрным и далеко не таким весёлым, как ручьи, в которых отражается ясное голубое небо. В наступивших сумерках всё в этом месте выглядело особенно мрачным и диким.

Рыцарь в тревоге пробирался на коне вдоль ручья, то опасаясь, что выехал слишком поздно и упустил след беглянки, то боясь невзначай обогнать её, если она где-то притаилась, желая остаться незамеченной. Между тем он порядком углубился в долину и мог бы уже догнать девушку, если бы выбранный им путь оказался верным. Мысль, что, может быть, он ошибся, заставляла его сердце биться сильнее и тревожнее. Что станется с хрупкой, беззащитной Бертальдой, если он не найдёт её, в грозную непогоду, которая зловеще надвигается на долину? Но вот наконец сквозь ветви на склоне горы мелькнуло что-то белое. Ему показалось, что он узнал белое платье Бертальды, и он устремился туда. Но неожиданно конь его упёрся, встал на дыбы, и Хульдбранд, чтобы не терять времени, спешился, — к тому же верхом ему всё равно было не пробраться сквозь заросли кустарников, — привязал храпящего жеребца к дереву и осторожно протиснулся сквозь кусты. Ветки, влажные от вечерней росы, хлестали его по лбу и щекам; из-за гор доносились глухие раскаты грома, всё казалось таким странным, что его внезапно охватил страх перед белой фигурой, простёртой перед ним на земле. Он ясно различал теперь, что это была спящая

или лежащая без сознания женщина в длинном белом платье, какое было сегодня на Бертальде. Он подошёл к ней совсем близко, шурша ветвями, бряцая мечом, — она не шевелилась.

— Бертальда! — окликнул он сначала тихо, потом повторяя всё громче, — она не слышала. Наконец он что было силы прокричал дорогое имя, и тотчас же из глуби горных пещер отозвалось гулкое эхо: «Бертальда!» — но спящая не пробудилась. Он склонился над ней. Сумрак долины и надвигающаяся ночь не давали ему разглядеть её черты. Охваченный тревогой и сомнениями, он почти припал к земле совсем рядом с ней, и в ту же минуту вспышка молнии осветила долину. Он увидел перед собой безобразно искажённое лицо и услышал глухой голос:

— Ну-ка, поцелуй меня, влюблённый пастушок!

С криком ужаса Хульдбранд отпрянул, мерзкое видение устремилось за ним.

— Домой! — пробурчало оно. — Нечисть не дремлет. Домой, или я схвачу тебя! — и оно потянулось к нему своими длинными белыми руками.

— Коварный Кюлеборн! — вскричал рыцарь, совладав с собой. — Что мне за дело до твоих

штук, кобольд! На, получай свой поцелуй! — и он яростно обрушил свой меч на белую фигуру. Но та рассыпалась миллионами брызг, и оглушительный ливень, окативший рыцаря с головы до ног, не оставил у него ни малейшего сомнения, кто был его противник.

— Он хочет отпугнуть меня от Бертальды, — вслух произнёс рыцарь самому себе, — он воображает, что в страхе перед этой дурацкой чертовщиной я отдам ему во власть бедную испуганную девушку и он сможет выместить на ней свою злобу. Как бы не так! Немощный дух стихии! На что способно сердце человека, когда оно захочет по-настоящему, захочет не на жизнь, а на смерть, — этого тебе не понять, жалкий гаер!

Он ощутил истинность своих слов, почувствовал, как они влили ему в душу мужество. К тому же удача ему снова улыбнулась, ибо не успел он дойти до места, где был привязан конь, как явственно услышал поблизости жалобный зов Бертальды, доносившийся до него сквозь нарастающий рокот грома и завыванье ветра. Быстрыми шагами он устремился на звук её голоса и увидел дрожащую всем телом девушку, которая тщетно силилась вскарабкаться по отвесному склону горы, чтобы хоть как-то выбраться из жуткого

мрака долины. Он ласково заступил ей дорогу, и каким бы гордым и смелым ни было её решение бежать из замка, теперь она была слишком счастлива, что милый её сердцу друг вызволит её из этого страшного одиночества и безмятежная жизнь в радушном доме вновь раскроет ей свои любящие объятия. Она безропотно последовала за ним, но выглядела такой обессиленной, что рыцарь был рад, когда наконец довёл её до своего коня; отвязав его, он хотел посадить прекрасную странницу в седло, чтобы осторожно повести коня под уздцы сквозь смутные тени, окутывавшие долину.



Бертальда в ужасе металась по лесу, преследуемая Кюлеборном

Но животное совсем взбесилось от диких выходок Кюлеборна. Рыцарю и самому-то было бы нелегко вскочить на спину храпящего и бьющего копытами жеребца, посадить же в седло трепещущую Бертальду нечего было и думать. Итак, они решили вернуться домой пешком. Таща под уздцы лошадь, рыцарь другой рукой поддерживал спотыкавшуюся девушку. Бертальда собрала все силы, чтобы поскорее миновать зловещую низину, но усталость свинцовым грузом тянула её к земле, она дрожала всем телом, отчасти после пережитого испуга, когда она металась по лесу, преследуемая Кюлеборном, отчасти от страха перед завываньем бури и ударами грома, разносившимися по горам.

Наконец она выскользнула из рук своего спутника, упала на поросшую мхом землю и молвила:

— Оставьте меня, благородный рыцарь, всё равно я изнемогаю от усталости и страха, меня ждёт здесь смерть — расплата за моё безрассудство.

— Ни за что на свете, дорогой друг, я не покину вас! — воскликнул Хульдбранд, тщетно пытаясь усмирить бесновавшегося коня, который стал ещё

сильнее храпеть и биться. В конце концов, рыцарь был рад уже тому, что ему удалось удержать животное в некотором отдалении от девушки, чтобы не испугать её ещё более. Но не успел он отвести на несколько шагов разгорячённого коня, как она начала жалобно звать его, решив, что он и в самом деле собирается покинуть её в этой страшной чаще. Хульдбранд вконец растерялся и не знал, как ему быть: он охотно пустил бы разъярённого жеребца на волю, чтобы он перебесился и успокоился, но боялся, что тот промчится своими подкованными копытами по узкой тропе как раз там, где лежала Бертальда.

В этой растерянности и смятении он вдруг с облегчением услыхал за собой приближающийся стук колёс по каменистой дороге. Он позвал на помощь; в ответ раздался мужской голос, который велел ему потерпеть, а вскоре в кустах мелькнули две белые лошади, рядом с ними — белая куртка возницы, а за его спиной — большой белый холст, прикрывавший, как видно, кладь, которую он вёз. По крику «тпруу!» своего хозяина лошади стали. Он подошёл к рыцарю и помог ему обротать бесновавшегося коня.

— Вижу, вижу, что с этой тварью. Когда я в первый раз проезжал по этим местам, с моими

лошадьми было ничуть не лучше. Всё дело в том, что здесь живёт презлющий водяной, который тешится подобными проделками. Но я знаю одно словечко, если дозволите, я шепну его на ухо коню, и он сразу станет шёлковым, совсем как мои лошадки.

— Попробуй своё средство и поскорей помоги мне! — воскликнул в нетерпении рыцарь.

Тут возница пригнул к себе голову бесновавшегося коня и прошептал ему на ухо несколько слов. В мгновенье ока животное успокоилось, присмирело, и только храп да пена у губ свидетельствовали о недавнем возбуждении. Хульдбранду не до того было, чтобы расспрашивать возницу, как это ему удалось. Он договорился, что тот посадит Бертальду в повозку, где, по его словам, сложены были тюки с мягкой ватой, и доставит её в замок Рингштеттен; рыцарь же поедет рядом с ними верхом. Но конь был так изнурён своим недавним буйством, что не смог бы везти хозяина на столь далёкое расстояние, и возница предложил Хульдбранду сесть вместе с Бертальдой в повозку. А коня можно ведь и сзади привязать.

— Дорога идёт под гору, — добавил он, — и моим лошадям это будет нетрудно.

Рыцарь принял предложение и сел с Берталь-

дой в повозку, конь послушно поплёлся за ними, а возница бодро зашагал рядом, внимательно поглядывая по сторонам. В тишине и сгущавшемся мраке ночи под замиравшие звуки удалявшейся грозы Бертальда и Хульдбранд наконец-то почувствовали себя в безопасности; они всецело отдались блаженному ощущению неторопливой и удобной езды. Между ними завязалась задушевная беседа. Он нежными словами упрекал её за своенравный побег; она смиренно и растроганно просила простить её, и всё, что они произносили, источало свет, подобно лампе, которая во мраке ночи подаёт любовнику знак, что возлюбленная ждёт его. Рыцарь не вдумывался в значение произносимых ею слов, ибо чувствовал истинный смысл того, что она хотела сказать, и отвечал только на него. Вдруг возница визгливо гикнул:

— Эй, пошли! Скачите, кони, живей, что есть мочи, припомните, кто вы такие!

Рыцарь высунулся из повозки и увидел, что лошади бредут или, вернее, почти плывут в бурлящей воде; колёса повозки поблёскивали и шумели, как мельничные, а возница взобрался на повозку, спасаясь от набегающей волны.

— Что это за дорога? Ведь она прямо ведёт в реку! — крикнул Хульдбранд вознице.

— О нет, господин рыцарь, — усмехнулся тот в ответ. — Как раз наоборот. Это река хлынула на дорогу. Оглянитесь-ка, видите, всё залито!

И в самом деле, всё дно долины колыхалось и бурлило от взбунтовавшихся, растущих на глазах волн.

— Это Кюлеборн, тот злобный водяной, хочет потопить нас! — воскликнул рыцарь. — Нет ли у тебя, дружище, ещё какого-нибудь словечка против его колдовства?

— Пожалуй, есть одно, — молвил возница, — но я не могу и не желаю произнести его, пока вы не узнаете, кто я такой!

— Время ли сейчас загадывать загадки? — крикнул рыцарь. — Вода поднимается, и какое мне дело, кто ты такой?

— Кое-какое дело всё же есть, — откликнулся возница, — ведь Кюлеборн — это я сам! — И его искажённое злобной ухмылкой лицо заглянуло в повозку; но и повозки уже не было, и лошадей — всё растеклось, изошло пеной, рассыпалось шипящими брызгами, и сам возница взвился в воздух гигантским водяным столбом, смыл тщетно барахтавшегося коня и словно башня навис над головами тонущей пары, готовый безвозвратно похоронить их под собой.

И тут сквозь грохот воды раздался мелодичный голос. Луна вышла из-за туч, и, озарённая её светом, на склоне горы показалась Ундина. Она грозила волнам, журила их, и вот уже зловещий водяной столб с ропотом и ворчанием исчез, вода тихо заструилась в лунном сиянье, и Ундина, словно белая горлинка, спорхнула с вершины горы, схватила рыцаря и Бертальду и унесла с собой, вверх на зелёную сочную лужайку; там она дала им подкрепиться изысканными яствами, придавшими им мужества и сил; потом помогла подсадить Бертальду на своего белого иноходца, и таким образом все трое добрались до замка Рингштеттен.



Глава пятнадцатая
Поездка в Вену



После этого происшествия жизнь в замке потекла мирно и спокойно. Рыцарь всё более убеждался в ангельской доброте Ундины, которая таким чудесным образом проявилась в Шварцтале, подвластном Кюлеборну, когда она вовремя подоспела, чтобы спасти их. Ундина тоже пребывала в спокойной уверенности, которая всегда живёт в душе, твёрдо знающей, что она на верном пути. К тому же во вновь пробудившейся любви и уважении супруга ей маячил проблеск надежды и счастья. Бертальда, со своей стороны, всячески изъявляла благодарность и робкое смирение, нисколько не стремясь поставить это себе в заслугу. Всякий раз, когда кто-нибудь из супругов

пытался объясниться с ней по поводу замурованного колодца или приключений в Шварцтале, она горячо просила пощадить её, ибо история с колодцем повергала её в стыд, а воспоминание о Шварцтале — в ужас. Поэтому она так ничего и не узнала ни о том, ни о другом; да и к чему ей это было? Итак, мир и радость зримо воцарились в замке Рингштеттен. Все твёрдо были уверены в этом и полагали, что отныне жизнь будет дарить им одни лишь прекрасные цветы и плоды.

В таких обнадёживающих обстоятельствах пришла и миновала зима, и весна глянула в окно радостно настроенным людям своими светло-зелёными побегами и ясным голубым небом. Ей было так же хорошо, как им, им — как ей. Что же удивительного, что весенние аисты и ласточки пробудили в них жажду странствий! Однажды, гуляя, они спустились в долину к истокам Дуная, и Хульдбранд стал рассказывать о красоте этой могучей реки, которая, всё набухая и ширясь, течёт между цветущими землями, как на берегах её сверкает пышная пленительная Вена и с каждым шагом растёт мощь и величие реки.

— Как чудесно было бы проехать по Дунаю до самой Вены! — вырвалось у Бертальды, но она тут же спохватилась и, покраснев, умолкла, вновь

обретая своё нынешнее смирение и скромность. Именно это и растрогало Ундину, и, движимая желанием доставить радость своей подруге, она сказала:

— А кто же мешает нам предпринять это путешествие?

Бертальда была вне себя от радости, и обе женщины сразу же принялись живейшими красками рисовать себе приятное путешествие по Дунаю. Хульдбранд присоединился к ним, но внезапно с тревогой шепнул Ундине на ухо:

— А ведь там снова начинаются владения Кюлеборна!

— Пусть только попробует появиться, — отвечала она со смехом, — ведь я буду рядом, а при мне он не решится причинить зло.

Тем самым последнее препятствие отпало; все начали собираться в дорогу и вскоре отправились в путь, бодрые и исполненные радужных надежд.

О, люди, не удивляйтесь, что всё всегда получается не так, как мы ожидали. Зловещие силы, подстерегающие нас, чтобы принести нам гибель, охотно убаюкивают намеченную жертву сладостными песнями и золотыми сказками, меж тем как спасительный посланец неба нередко

повергает нас в ужас, громко постучавшись к нам в дверь.

Первое время они целые дни напролёт чувствовали себя удивительно счастливыми. По мере того как их барка спускалась вниз по величавой полноводной реке, ландшафт становился всё красивее. Но однажды, когда они плыли вдоль обычно приветливой местности, чью красоту уже заранее предвкушали, неугомонный Кюлеборн стал непрерывно показывать свою силу. Поначалу, правда, он лишь подразнивал их, ибо Ундине удавалось укоризненными словами усмирять встречный ветер и вздымающиеся волны, и могучий недруг покорно склонялся перед её волей. Но потом вновь и вновь возобновлялись его наскоки, и снова Ундине приходилось вмешиваться, увещевать, так что весёлое настроение путешественников порядком было испорчено. А тут ещё гребцы стали опасливо перешёптываться, недоверчиво глядя на трёх господ; и даже собственные слуги, заподозрив неладное, провожали своих хозяев настороженными взглядами. Хульдбранд частенько говорил себе: «И всё это оттого, что, когда человек и русалка заключают такой диковинный союз, это не может быть союз равного с равным».

Пытаясь снять с себя вину, как это любим делать все мы, он нередко думал: «Ведь я же не знал, что она русалка. То беда моя, а не вина, что меня неотступно преследуют причуды этой дикой родни». Подобные мысли в какой-то степени укрепили его мужество, но вместе с тем он чувствовал всё большее раздражение и испытывал всё большую враждебность к Ундине. Он смотрел на неё хмурым взглядом, и бедняжка хорошо понимала, что это значит. Однажды вечером, измученная всем этим и постоянными усилиями в борьбе с выходками Кюлеборна, она крепко уснула, убаюканная мерным покачиванием барки.

Но не успела она сомкнуть веки, как кому-то на судне почудилась сбоку у борта, где он стоял, безобразная человеческая голова, всплывшая над водой, и притом не плашмя, как у пловца, а торчком, будто на кол посаженная; но вместе с тем она продолжала плыть рядом с судном. Каждый торопился показать другому ужаснувший его предмет и встречал на лице собеседника такое же выражение ужаса, но руки и взгляд были устремлены в другую сторону, совсем не в ту, откуда ухмылялась и грозила омерзительная рожа. Когда же они, пытаясь объясниться друг с другом, стали наперебой кричать: «Гляди вон

туда, нет, сюда!» — тут перед каждым из них представали все рожи, мерещившиеся прочим, и вода вокруг судна кишела этими страшными харями. Поднявшийся крик разбудил Ундину. Едва она открыла глаза, как всё скопище уродливых лиц сгинуло. Но Хульдбранд был вне себя от этих мерзких фокусов. Он уже готов был разразиться проклятиями, но Ундина устремила на него смиренно-умоляющий взгляд и тихо произнесла:

— Бога ради, мой супруг, мы на воде; не сердись на меня сейчас!

Рыцарь промолчал, сел и погрузился в глубокую задумчивость. Ундина шепнула ему на ухо:

— Не лучше ли было бы, мой милый, прервать это безрассудное путешествие и мирно вернуться в замок Рингштеттен?

Но Хульдбранд злобно пробормотал сквозь зубы:

— Значит, мне предстоит быть пленником в собственном замке, и свободно дышать я могу, лишь пока замурован колодец? Да пусть эта твоя дикая родня…

Ундина зажала ему рот своей прекрасной ручкой. Он умолк и долго не произносил ни слова, вспомнив всё, что она раньше говорила ему. Между тем Бертальда была погружена в

странные и смутные размышления. Она многое знала о происхождении Ундины, однако не всё, и прежде всего для неё оставался неразгаданной и зловещей тайной грозный Кюлеборн; она даже ни разу не слышала его имени. Раздумывая об этих удивительных вещах, она, сама того не замечая, расстегнула золотое ожерелье, которое Хульдбранд подарил ей несколько дней тому назад, купив его у бродячего разносчика товаров. Она перебирала его пальцами, наклонившись над поверхностью воды, и как бы в полусне любовалась его мерцающими отблесками, игравшими в лучах вечернего солнца. И вдруг из глуби Дуная высунулась чья-то большая рука, схватила ожерелье и погрузилась с ним в воду. Бертальда громко вскрикнула, в ответ из глуби реки раздались раскаты зловещего хохота. Тут уж рыцарь не мог сдержать гнева. Вскочив с места, он разразился яростной бранью, проклинал всех, кто навязывается ему в родичи и вмешивается в его жизнь, и вызывал их на поединок, кто бы они ни были, водяные или сирены. Бертальда меж тем оплакивала потерянное ожерелье, столь дорогое для неё, и своими сетованиями только подливала масла в огонь, распаляя гнев рыцаря. Ундина же, перегнувшись через борт и окунув

руку в воду, бормотала что-то вполголоса и лишь изредка прерывала свой таинственный шёпот, чтобы умоляюще сказать супругу:

— Милый, только не брани меня здесь, брани, кого хочешь, только не меня здесь! Ты же знаешь…

Действительно, его заплетающийся от гнева язык пока ещё не произнёс против неё ни одного слова. И вот она вытащила влажной рукой из воды чудесное коралловое ожерелье, которое так искрилось, что почти ослепило глаза присутствующих.

— Возьми, — сказала она, ласково протягивая его Бертальде, — это я велела принести тебе взамен потерянного, и не печалься долее, бедняжка.

Но рыцарь бросился между ними, вырвал ожерелье из рук Ундины и, швырнув его обратно в реку, яростно вскричал:

— Значит, ты всё ещё водишься с ними? Отправляйся же к ним со всеми своими подарками, а нас, людей, оставь в покое, колдунья!

Бедная Ундина устремила на него неподвижный взгляд, из глаз её заструились слёзы, рука, ласково подносившая Бертальде подарок, всё ещё оставалась протянутой. Потом она горько расплакалась, как плачет понапрасну и больно

обиженное дитя. Наконец она произнесла слабым голосом:

— Ах, милый друг, прощай! Они тебе ничего не сделают. Только храни мне верность, чтобы я могла защитить тебя от них. Но я должна уйти, уйти навек до конца этой юной жизни. О горе, горе, что ты наделал! О горе, горе!


Arthur Rackham '07

О горе, горе, что ты наделал!

И она исчезла за бортом. Бросилась ли она в воду, растеклась ли в ней, никто не знал, — быть может, и то и другое, а может быть, ни то ни другое. Только вскоре её след растворился в Дунае, и лишь лёгкие всплески волн всхлипывали вокруг барки, и сквозь их лепет можно было явственно различить: «О горе, горе! Храни верность! О горе!»

А Хульдбранд, обливаясь слезами, лежал на палубе, и вскоре глубокий обморок окутал несчастного своей спасительной тенью.



Глава шестнадцатая
О дальнейшей жизни Хульдбранда



К сожалению, или, быть может, лучше сказать, к счастью, наша печаль не столь уж долговечна. Я говорю о той глубокой печали, которая питается из сокровенного родника жизни и так тесно сливается с утраченным любимым существом, что оно словно бы уже и не утрачено вовсе, и мы всю жизнь благоговейно священнодействуем перед его образом, пока не падёт для нас та последняя

преграда, что давно уже пала для него. И хотя добрые люди действительно продолжают это священнодействие, ими владеет уже не та первая, истинная печаль. Другие, чужеродные картины оттеснили и вплелись в неё; мы познаём, сколь быстротечно всё земное, хотя бы уже по нашей собственной боли, и я вынужден повторить: печаль наша, увы, недолговечна!

Это испытал и господин фон Рингштеттен — на благо ли себе или нет, об этом мы узнаем, продолжив нашу историю. Первое время он только и делал, что плакал так же горько, как плакала бедная доверчивая Ундина, когда он вырвал у неё из рук сверкающее ожерелье, которым она надеялась так мирно и полюбовно всё загладить. И он протягивал руку, как она тогда, и снова начинал плакать, как она. В душе он тайно надеялся в конце концов насмерть истечь слезами; да и у многих из нас в минуту неизбывного страдания разве не мелькала подобная мысль, теша нас мучительной радостью? Бертальда плакала вместе с ним, и так они долгое время жили вдвоём в замке, чтя память Ундины и почти забыв о своей былой взаимной склонности. Но и в это время добрая Ундина являлась Хульдбранду во сне; она ласково и нежно гладила его и затем с тихим пла-

чем удалялась, так что, проснувшись, он толком не знал, отчего были влажны его щёки — от её ли слёз или от его собственных.

Но сновидения эти с течением времени становились всё реже, скорбь рыцаря всё слабее, и всё же он, быть может, никогда в жизни ничего другого и не пожелал бы, как вот так постоянно вспоминать Ундину и говорить о ней, не появись неожиданно в замке старый рыбак, всерьёз потребовавший возвращения своей дочери Бертальды. Ему стало известно об исчезновении Ундины, и он не мог потерпеть, чтобы Бертальда и далее оставалась в замке у неженатого мужчины.

— Ибо, — молвил он, — мне всё равно, любит ли меня моя дочь или нет, но тут речь идёт о чести, а там, где говорит честь, всё остальное умолкает.

Намерение старого рыбака и зловещее одиночество среди опустевших покоев и коридоров замка, грозившее рыцарю в случае отъезда Бертальды, пробудило то, что успело заснуть и забыться в скорби по Ундине: влечение Хульдбранда к прекрасной Бертальде. У рыбака немало было возражений против предполагаемой свадьбы. Старик очень любил Ундину и полагал, что никому ведь толком не известно, действительно ли она умерла. Но покоится ли её недвижное,

холодное тело на дне Дуная, плывёт ли, гонимое волнами, в океан, всё равно — Бертальда повинна в её смерти, и негоже ей занять место бедной изгнанницы. Однако и рыцаря рыбак тоже искренне любил; просьбы дочери, которая стала теперь намного мягче и послушнее, её слёзы об Ундине — всё это соединилось вместе, и в конце концов он, должно быть, дал своё согласие, ибо безропотно остался в замке; тотчас же был отправлен гонец за пастором Хайльманом, который в былые счастливые дни благословил Ундину и Хульдбранда, а теперь должен был освятить второй брак рыцаря.

Едва набожный старик прочёл письмо господина фон Рингштеттена, как сразу же собрался в путь, торопясь добраться до замка ещё скорее, чем добирался оттуда гонец. Когда у священника от быстрой ходьбы перехватывало дыхание или дряхлое тело его начинало ныть от усталости, он говорил себе: «Быть может, я ещё поспею вовремя, чтобы не дать свершиться беззаконию. Терпи, изнемогающая плоть, не падай, пока не достигнешь цели!» И он с новыми силами всё шёл и шёл, не давая себе отдыха, пока однажды вечером не вступил в затенённый листвой двор замка Рингштеттен.

Жених и невеста сидели рука в руку под деревом, старый рыбак в глубокой задумчивости рядом с ними. Едва завидев патера Хайльмана, они вскочили с мест и с радостными возгласами окружили его. Он же, без долгих слов, пожелал уединиться с женихом.

Увидев, что удивлённый рыцарь медлит выполнить его желание, священник сказал:

— К чему терять время и говорить с вами наедине, господин фон Рингштеттен? То, что я собираюсь вам сказать, точно так же касается Бертальды и рыбака, и пусть они выслушают сразу то, что им надлежит выслушать, и чем скорее, тем лучше. Так ли вы уверены, рыцарь Хульдбранд, что ваша первая супруга действительно умерла? Я в этом сомневаюсь. Не буду более говорить о тех удивительных вещах, которые с ней происходили, да я и не знаю толком ничего об этом. Но, вне всякого сомнения, она была вам скромной и верной женой. И вот последние четырнадцать ночей напролёт она стояла у моего изголовья, ломая свои тонкие ручки, и говорила со стоном: «Ах, останови его, святой отец! Я ещё жива! О, спаси его тело! Спаси его душу!» Я не мог понять, чего хочет ночное видение; но тут явился ваш гонец, и я поспешил сюда — не для того, чтобы

обвенчать, а чтобы разлучить тех, кто не должен соединиться. Оставь её, Хульдбранд! Оставь его, Бертальда! Он ещё принадлежит другой, и разве не видишь ты на лице его печать скорби об исчезнувшей супруге? Не очень-то похож он на жениха, и дух мой говорит мне, что если ты и не оставишь его, не видать тебе счастья и радости.

Все трое почувствовали сердцем, что патер Хайльман говорит правду, но верить этому не хотели.

Даже старый рыбак успел настолько поддаться уговорам, что думал, всё должно произойти только так, как они обсудили и порешили в последние дни.

Поэтому все они в гневной запальчивости напустились на священника, отметая все его предостережения, так что тот наконец покинул замок, одолеваемый тревожными сомнениями и наотрез отказавшись от предложенного ночлега и трапезы.

Хульдбранд же убедил себя, что священник — просто одержимый фантазиями чудак, и с наступлением дня послал в соседний монастырь за другим патером, который, не задумываясь, согласился обвенчать их через несколько дней.



Глава семнадцатая
Сон рыцаря



То было в предрассветный час, уже на исходе ночи. Рыцарь в полусне лежал на своей постели. Когда он пытался заснуть по-настоящему, ему мешало какое-то странное чувство ужаса, отпугивавшее сон, ибо во сне человеку являются призраки. Когда же он всерьёз пытался пробу-

диться, вокруг проносилось слабое дуновение, словно бы от лебединых крыльев, раздавался вкрадчивый лепет волн, вновь погружавший его в сладостную и зыбкую дремоту. Наконец он всё же, как видно, заснул, ибо ему почудилось, будто и в самом деле шелестящие лебединые крылья подняли его на воздух и под звуки нежного пения понесли далеко над морем и сушей.

— Лебединая песнь, лебединая песнь, — повторял он про себя, — это ведь значит смерть.

Но, должно быть, она имела и другое значение. Ему вдруг показалось, будто он парит над Средиземным морем. И когда он взглянул вниз на воду, она превратилась в чистейший хрусталь, так что сквозь него просвечивало дно. Он страшно обрадовался, потому что разглядел там Ундину, сидевшую под светлыми хрустальными сводами. Правда, она горько плакала и показалась ему очень грустной, совсем не такой, как в те счастливые времена, когда они жили вместе в замке Рингштеттен, особенно вначале, да и потом, незадолго до того злополучного путешествия по Дунаю. Рыцарь успел подробно и с волнением припомнить всё это, а между тем Ундина как будто и не замечала его. Тут появился Кюлеборн и стал бранить её за слёзы. Тогда она овладела

собой и взглянула на него властно и надменно, так что тот испугался.


ARTHUR RACKHAM '09

На дне сидела Ундина и горько плакала

— Хоть я и живу здесь, под водой, — молвила она, — я всё же принесла с собой свою душу. И потому имею право плакать, хоть тебе и невдомёк, что значат такие слёзы. И они — блаженство, как всё блаженство для того, в ком живёт верная душа.

Он недоверчиво покачал головой и сказал, немного подумав:

— И всё же, племянница, ты подвластна нашим духам стихии и должна осудить и лишить его жизни, если он вступит в новый брак и нарушит тебе верность.

— До сей поры он ещё вдовец, — сказала Ундина, — и хранит любовь ко мне в своём опечаленном сердце.

— Но одновременно и жених, — злорадно усмехнулся Кюлеборн, — дай срок, пройдёт несколько дней, последует благословение священника, и тогда тебе придётся подняться наверх и покарать двоеженца смертью.

— Я не смогу, — улыбнулась в ответ Ундина. — Ведь я прочно замуровала колодец от себя и своих присных.

— Но если он выйдет из замка, — сказал Кюлеборн, — или велит когда-нибудь вскрыть

колодец! Ибо он ничуть не задумывается над всеми этими вещами!

— Именно поэтому, — молвила Ундина, всё ещё улыбаясь сквозь слёзы, — именно поэтому он мысленно витает сейчас над Средиземным морем и слышит и видит во сне наш разговор, который будет ему предостережением. Я всё предусмотрела и устроила.

Тут Кюлеборн метнул яростный взгляд на рыцаря, погрозил ему, топнул ногой и стремглав погрузился в воду. И рыцарю почудилось, будто он раздулся от злобы и превратился в огромного кита. Лебеди вновь запели, захлопали и зашелестели крыльями; рыцарю показалось, что он летит над Альпами, над реками, летит к замку Рингштеттен и просыпается в своей постели.

Он действительно проснулся на своей постели, и в ту же минуту вошёл паж и доложил, что патер Хайльман всё ещё находится в этих краях; паж встретил его вчера ночью в лесу, в хижине, которую старик построил себе из древесных стволов, прикрыв их хворостом и мхом. На вопрос, что он здесь делает, ибо благословить молодых он ведь отказался, священник ответил:

— Благословение требуется не только у брачного алтаря, и хотя прибыл я сюда не ради свадьбы,

может быть, состоится иное торжество. Нужно обождать. К тому же слова «венчальный» и «печальный» не так уж разнятся между собой, и не понимает этого только тот, кто пребывает в беспечности и ослеплении.

Рыцаря одолевали смутные и странные мысли по поводу этих слов священника и собственных своих сновидений. Но человеку трудно отказаться от того, что он однажды забрал себе в голову, а посему всё осталось так, как было решено.



Глава восемнадцатая
О том, как рыцарь играл свадьбу



Если бы я вздумал рассказать вам, как в замке Рингштеттен играли свадьбу, вам показалось бы, что перед вами груда блестящих и праздничных вещей, на которые наброшено траурное покры-

вало, и под ним всё это великолепие не столько восхищает нас, сколько выглядит насмешкой над тщетой земных радостей. Не то чтобы какая-нибудь чертовщина нарушила торжество, ибо мы ведь знаем, что замок был надёжно защищён от колдовских проделок водяной нечисти. Но и у рыцаря, и у рыбака, и у всех гостей было такое чувство, будто главное лицо на празднестве отсутствует и этим главным лицом должна быть всеми любимая, ласковая Ундина. Стоило только двери отвориться, как все взоры устремлялись туда, и когда появлялся всего лишь дворецкий с новыми блюдами или виночерпий вносил новое благородное вино, все опять уныло опускали глаза, и мгновенно вспыхнувшие искорки веселья и шуток снова гасли под влагой скорбных воспоминаний. Беспечнее и потому веселее всех была невеста; но и ей порой казалось странным, что она сидит во главе стола в зелёном венке и расшитом золотом платье, меж тем как недвижное холодное тело Ундины покоится на дне Дуная или плывёт, гонимое волнами, в океан. Ибо с той минуты, как её отец произнёс эти слова, они непрестанно звучали у неё в ушах и особенно сегодня никак не хотели умолкнуть.

С наступлением вечера гости разошлись, но не

так, как обычно бывает на свадьбах, — подгоняемые нетерпеливым ожиданием жениха, а уныло и сумрачно разбрелись, охваченные тоскливым предчувствием надвигающейся беды.

Бертальда в сопровождении своих девушек пошла раздеваться, рыцарь удалился со слугами; но здесь, на этом унылом торжестве, и в помине не было обычных шуточных, весёлых проводов жениха и невесты.

Бертальда, желая приободриться, велела разостлать перед собой свои богатые одежды и разложить драгоценности, которые подарил ей Хульдбранд; она хотела выбрать себе назавтра самый красивый и весёлый наряд. Служанки рады были случаю наговорить молодой госпоже всяких приятных вещей, не преминув при этом превознести в самых живых словах красоту новобрачной. Они всё более и более углублялись в рассуждения об этом предмете, пока наконец Бертальда, бросив взгляд в зеркало, не вздохнула:

— Ах, неужели вы не замечаете здесь, сбоку, на шее лёгких веснушек?

Они взглянули, убедились в правоте слов своей госпожи, но назвали это прелестными родинками, крохотными пятнышками, которые только оттеняют белизну её нежной кожи. Бертальда, по-

качав головой, сказала, что всё же это портит её.

— А ведь я могла бы избавиться от них, — вздохнула наконец она. — Но замковый колодец, из которого я прежде брала такую чудесную, очищающую кожу воду, замурован. Хоть сегодня бы иметь одну бутылку этой воды!

— Только-то и всего? — засмеялась проворная служанка и выскользнула из комнаты.

— Но не вздумала же эта сумасшедшая, — спросила Бертальда с радостным изумлением, — сегодня вечером откатить камень?

В ту же минуту она услышала шаги во дворе и увидела в окно, как услужливая девушка вела нескольких мужчин прямо к колодцу; на плечах они несли жерди и другой необходимый инструмент.

— Впрочем, такова моя воля, — улыбнулась Бертальда. — Только пусть не мешкают.

И, радуясь при мысли, что сейчас довольно одного её намека, чтобы исполнено было то, в чём ей некогда так оскорбительно отказали, она стала следить за работой на освещённом луной замковом дворе.

Люди с усилием взялись за огромный камень. Порою кто-нибудь из них вздыхал, вспоминая, что они рушат то, что сделали по приказанию

прежней, любимой госпожи. Впрочем, работа ладилась быстрее, чем можно было ожидать. Казалось, какая-то сила снизу, из колодца помогает приподнять камень.

— Похоже, вода в нём бьёт фонтаном, — с изумлением переговаривались между собой работники.

Камень поднимался всё выше и выше, и вот, почти без помощи людей, медленно, с глухим грохотом покатился по мощёному двору. А из отверстия колодца торжественно поднялось что-то вроде белого водяного столба; они подумали сперва, что это и в самом деле бьёт фонтан, но потом разглядели очертания бледной, закутанной в белое покрывало женщины. Она горько плакала и, в отчаянии заломив руки над головой, двинулась медленным, мерным шагом по направлению к дому. Челядь в страхе бросилась прочь от колодца; мертвенно-бледная новобрачная в ужасе застыла у окна вместе со своими служанками. Проходя под самыми окнами её комнаты, белая фигура с жалобным стоном подняла вверх голову, и Бертальде показалось, что она узнаёт бледные черты Ундины. Но та уже прошествовала мимо тяжёлыми, скованными, медленными шагами, как будто шла на плаху. Бертальда крикнула,

чтобы позвали рыцаря; но никто из служанок не решился тронуться с места, да и сама новобрачная умолкла, словно испугавшись звука собственного голоса.

Пока они, всё ещё в страхе, стояли у окна, недвижные, как изваяния, странная гостья достигла входа в дом, поднялась по хорошо знакомой лестнице, прошла через хорошо знакомые покои, всё так же молча и в слезах. О, как совсем по-иному она когда-то проходила здесь!

Рыцарь тем временем успел отпустить своих слуг. Полураздетый, погружённый в печальные мысли, он стоял перед высоким зеркалом; рядом с ним тускло горела свеча. Вдруг кто-то тихо, совсем тихо постучал пальцем в дверь. Так, бывало, стучала Ундина, когда хотела подразнить его.

— Всё это фантазии! — громко сказал он сам себе. — Пора идти в брачную постель!

— О да, пора, но в холодную! — послышался снаружи плачущий голос, и вслед за тем он увидел в зеркале, как дверь медленно, медленно отворяется и в комнату входит белая странница. Она чинно затворила за собой дверь и молвила тихим голосом:

— Они открыли колодец, и вот я здесь, и ты должен умереть.

По прерывистому биению своего сердца он почувствовал, что так оно и будет, но прикрыл глаза руками и произнёс:

— Не дай мне обезуметь от ужаса в мой смертный час. Если твоё покрывало таит под собой ужасный лик, не откидывай его и исполни приговор так, чтобы я тебя не видел.

— Ах, — отвечала вошедшая, — неужели ты не хочешь ещё разок взглянуть на меня? Я так же хороша, как тогда на косе, когда ты посватался ко мне!

— О, если бы это было так, — простонал Хульдбранд, — и я бы мог умереть от твоего поцелуя!

— О да, любимый, — молвила она. И откинула покрывало, и из-под него показалось её прекрасное лицо, озарённое волшебной, небесной улыбкой. Охваченный трепетом любви и близкой смерти, рыцарь наклонился к ней, она поцеловала его и уже не выпускала, прижимая к себе всё крепче и плача так, словно хотела выплакать всю душу. Слёзы её проникали в глаза рыцаря и сладостной болью разливались в его груди, пока наконец дыханье его не прервалось и безжизненное тело тихо не выскользнуло из её объятий на подушки.

— Я исплакала его насмерть, — сказала она

слугам, встретившимся ей у входа в покой, и медленно прошла мимо испуганной челяди прямо к колодцу.



Глава девятнадцатая
О том, как хоронили рыцаря Хульдбранда



Патер Хайльман пришёл в замок, как только в округе стало известно о смерти господина фон Рингштеттена и в ту самую минуту, когда монах, венчавший несчастных новобрачных, охваченный ужасом, скрылся за воротами замка.

— Хорошо, хорошо, — ответил Хайльман, когда ему сообщили об этом, — теперь вступаю в свои обязанности я, и никаких помощников мне не надобно.

И он принялся утешать невесту, ставшую теперь вдовой, хотя она, с её мирским жизнелюбивым нравом, не слишком была способна внять его утешениям. Старый рыбак, напротив, гораздо легче смирился с судьбой, постигшей его дочь и зятя, и когда Бертальда, не переставая проклинать Ундину, назвала её убийцей и колдуньей, старик спокойно промолвил:

— Иначе оно и не могло кончиться. Я вижу в этом не что иное, как суд божий, и уж наверно никто не принял так близко к сердцу смерть Хульдбранда, как та, кому выпало на долю свершить этот приговор, как бедная, покинутая Ундина!

При этом он помогал в устройстве похорон, подобавших рангу усопшего. Погребение должно было состояться на сельском кладбище, где поко-

ились все предки рыцаря, щедро жертвовавшие, как и он сам, местной церкви. Щит и шлем уже лежали на крышке гроба, их надлежало опустить в могилу вместе с покойником, ибо господин Хульдбранд фон Рингштеттен умер последним в роде; похоронный кортеж открыл своё скорбное шествие, печальное пение возносилось к ясному голубому небу; впереди шёл Хайльман, высоко держа в руках распятие, за ним безутешная Бертальда, опираясь на старика отца. И вдруг среди одетых в чёрное плакальщиц, окружавших вдову, появилась белая фигура, закутанная в покрывало, воздевавшая руки в безысходном отчаянии. Необъяснимый ужас охватил тех, кто шёл рядом с ней, они шарахнулись назад и в стороны, ещё более напугав тех, кто теперь оказался возле белой незнакомки, так что в траурном шествии возникло смятение. Несколько смельчаков отважились заговорить с ней и попытались вывести её из процессии, но она сама словно бы выскальзывала у них из рук и всё же снова и снова появлялась и продолжала медленно и торжественно следовать в их рядах.

В конце концов, постепенно продвигаясь вперёд среди испуганно расступившихся служанок, она оказалась за спиной Бертальды. Но тут она

замедлила шаги, так что вдова не заметила её, и она беспрепятственно продолжала идти за Бертальдой, смиренно опустив голову.

Так двигались они до самого кладбища; там погребальная процессия остановилась и окружила вырытую могилу. Только тут Бертальда увидела непрошеную спутницу и, охваченная не то гневом, не то ужасом, велела ей покинуть место упокоения рыцаря. Но фигура под покрывалом тихо покачала головой и как бы в мольбе воздела к ней руки. Бертальду это тронуло, она со слезами вспомнила, как ласково тогда, на Дунае, Ундина протянула ей коралловое ожерелье. К тому же патер Хайльман сделал всем присутствующим знак умолкнуть и помолиться за упокой души усопшего, ибо в это время стали насыпать могильный холм. Бертальда молча преклонила колена, и все последовали её примеру, после всех — могильщики, кончившие своё дело. Когда же все поднялись с колен, белой незнакомки среди них уже не было; там, где она преклонила колена, журчал в траве серебристый ручеёк; он всё струился, извиваясь, пока не опоясал могильный холмик рыцаря, потом потянулся дальше и влился в пруд, находившийся рядом с кладбищем. И ещё много лет спустя окрестные жители пока-

зывали этот ручеёк и уверяли, что это бедная, отвергнутая Ундина на свой лад обвивает любимого ласковыми руками.

